

ПРОКЛЯТИЕ ИЛИ ДАР

ЧЕРНАЯ КНИГА СТРАШНЫХ СКАЗОК

НИЛ ГЕЙМАН, КРИСТИНА ГЕНРИ, ДЖЕЙН ЙОЛЕН
И ДРУГИЕ

СОСТАВИТЕЛИ: МАРИ О'РИГАН И ПОЛ КЕЙН

Шедевры магического реализма

Нил Гейман

**Проклятие или дар. Черная
книга страшных сказок**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Гейман Н.

Проклятие или дар. Черная книга страшных сказок / Н. Гейман —
«Издательство АСТ», 2020 — (Шедевры магического реализма)

ISBN 978-5-17-126746-9

Двадцать старых и новых историй о проклятии, которое может настичь кого угодно. Проклятие принимает самые неожиданные формы – укол веретена, отравленное яблоко, кольцо-шпион, красные туфельки... Каждому достанется что-то свое. В любой волшебной и поучительной истории бьется черное сердце. Его негромкий стук напоминает о том, что зло совсем близко, и помогает не сбиться с прямого пути. Если конечно, нам хочется на нем оставаться. Ведь иногда проклятие становится даром...

УДК 821.111-312.9

ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-126746-9

© Гейман Н., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Введение[1]. Проклятые	6
Проклятый замок[2]	7
Красна как кровь, бела как снег[3]	8
Мост Тролля[4]	19
В таком возрасте[8]	26
Слушай[10]	35
Генри и Ларец из Змеиного дерева[11]	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Мари О’Риган, Пол Кейн

Проклятие или дар

Marie O’Regan

Paul Kane

Cursed. An Anthology of Dark Fairy Tales

© Marie O’Regan and Paul Kane 2020

© Ю. Р. Соколов, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Введение¹. Проклятые

Мы давно любим их – основу любой сказки, сердцевину любой поучительной истории, на которых мы выросли, основу историй, преподающих нам уроки, питающих нашу веру в то, что порок должен быть наказан, а также удерживающих нас на прямом и узком пути... Классические примеры восходят к фольклору всего мира, и в нашем сборнике вы найдете истории, вдохновленные не только норвежскими, датскими, и французскими сказками. Вы прочтаете сказки, похожие на произведения Шарля Перро, Ганса Христиана Андерсена и братьев Гримм (их не адаптированные для детей сказки куда мрачнее наших). Проклятые повсюду: взять хотя бы проклятую феей Спящую Красавицу, которая заснула, уколов палец веретеном. Или же Красную Шапочку – проклятием ее семьи (если внимательно следить за поворотами сюжета) – был тот самый волк. Белоснежка тоже была проклята королевой-ведьмой, угостившей ее отравленным яблоком. Однако, не зная зла, разве сумели бы мы понять добро?

У нашей книги очень простая цель. Проклятие как точка отсчета дает авторам возможность творчески переосмыслить классические произведения – что и делают Джейн Йолен и Адам Стемпл в «Маленькой Рыжей...», Нил Гейман в рассказе «Мост тролля», Лилит Сенткроу в истории «Хаза и Гхани» и Кристина Генри в «Красной как кровь, белой как снег», – рассказав свою историю, посмотрев на традиционный сюжет под оригинальным углом зрения. Мы решили включить в сборник и современные несущие нравственный посыл истории о проклятых – «Ненавистный» Кристофера Фаулера, «Кожа» Джеймса Бродена, «В таком возрасте» Катрионы Уорд и «Девушка из ада» Марго Лэнеган. Не все эти произведения написаны в традиционном сказочном стиле, однако в каждом из них бьется соответствующее жанру черное сердце. Авторам было позволено выходить за рамки, оставаться в них, и даже забираться в коробку (как в черной шутке Майка Кэри «Генри и шкатулка из змеиного дерева», и в рассказе Майкла Маршалла «Загляни внутрь»), черпать вдохновение в таких источниках, как «Питер Пэн» («Милая Венди Дарлинг» Кристофера Голдена) или в легенде о Синей Бороде («Новое Вино» Анджелы Слэттер). Стоит упомянуть и тех, кто создал свою мифологию (Йен Уильямс, «Слушай»), и тех, кто объединил несколько мифов («Веселые Плясуны» Элисон Литтлвуд), и тех, кто сочиняет истории о проклятиях по собственным правилам («Опять» Тима Леббона и «Фейт и Фред» Моры Макхью), и тех, кто обратился к шаблонам хоррора (бунтарский рассказ Чарли Энн Андерс «Фея-оборотень против Вампира-зомби»).

Прочитав замечательные истории, написанные нашими выдающимися авторами, занимающими верхние строчки писательских рейтингов, вы поймете, что проклятия могут обретать любой размер и форму, они таятся в самых невероятных местах...

Думаю, вас не придется лишний раз предупреждать о том, что нужно быть начеку.

Как знать, проклятия могут скрываться и в самом этом сборнике, прятаться среди слов... Проклятия... Вам придется полюбить их.

*Мэри О'Риган и Пол Кейн
Дербишир, июль 2019 г.*

¹ Introduction © Marie O'Regan and Paul Kane 2020.

Проклятый замок²

Проклятье безмолвной ехидной
пробралось сквозь корни.
Увяли цветы на стенах,
сад замер, подобен рисунку.
Сокол, упавший с неба,
клювом втыкается в землю,
Змий, обитатель рва, брюхом кверху всплывает.
Ржут кони, больше ни звука.
Стражники век охраняют замок,
не получая платы,
Втроем его стерегут. Замок спокойно спит,
но нет покоя на башне, где почивает принцесса,
Застигнутая врасплох между вдохом и выдохом.
Губы ее ждут поцелуя.
Недвижно она вкушает времени горькое блюдо,
Или же все забыла, кроме иглы в ладони?..

Джейн Йолен

² Castle Cursed © Jane Yolen 2020.

Красна как кровь, бела как снег³

– Больше всего на свете я был бы рад, если бы я увидел это кольцо у тебя на пальце, ведь это означало бы, что ты согласилась стать моей женой, – проговорил он, преклоняя перед ней колени.

Негромкий одобрителный ропот пронесся по небольшому залу. Общее мнение придворных было таково: чего еще желать принцессе, если не принца? Богатого, красивого, явившегося из прекрасной земли... Так, во всяком случае, говорили, ибо эта земли находилась очень далеко, и никто из них никогда ее не видел.

Манеры принца были так восхитительны, что он немедленно заслужил прозвище Прекрасный Принц, хотя, конечно, никто из придворных не посмел бы так называть его в лицо Верх фамильярности!

Но Снежка не находила его очаровательным. Глядя в темные глаза принца, она видела в них не восторг и искры очарования, а мелькание раздвоенного язычка между острыми зубами.

Он протягивал ей кольцо и ждал, улыбаясь ослепительной и непринужденной улыбкой. Прекрасный Принц отлично выбрал момент. Она не может отказать ему в присутствии придворных, как бы ей ни хотелось швырнуть кольцо ему в лицо и выбежать из зала.

Взгляд Снежки обратился к королю и королеве. Мачеха сидела, плотно сжав губы, в ее глазах таился страх. Король, ее отец, кивал и улыбался, как старый дурак, как человек, опутанный чарами, что полностью соответствовало истине.

Принц ждал. В его распоряжении было все время мира, и он знал, каким будет ее ответ. Все это она читала в его глазах, в изгибе твердых губ, в глазах, подобных змее, свернувшейся кольцом.

– Конечно, я приму кольцо, – ответила она, гордясь тем, что ее голос звучал чисто и звонко, и никто из придворных не услышал ужаса, закипавшего в ее душе.

Она пожалела, что ей не хватает отваги бежать немедленно, но воспитание требовало, чтобы принцесса прежде всего была вежливой, ибо отказ чреват *последствиями*, а последствия подразумевают войну, особенно если будет задета мужская честь.

Снежка любила свою страну и народ. Она не хотела, чтобы люди страдали, и потому была вынуждена принять кольцо, зная, что это ловушка. Она как будто издалека видела свою руку, медленно протянувшуюся к Прекрасному Принцу. Под белоснежной кожей угадывался легкий трепет крови, на лице принца отразилось торжество, лишь только он коснулся ее пальцев.

Ее тело протестовало против его прикосновения, но этот трепет еще больше обрадовал его. Его пальцы сжались, готовые оставить синяки, и она подумала, что жених, возможно, испытывает ее, проверяет, сколько она выдержит, прежде чем закричит.

Я выдержу, подумала она, стискивая зубы. *Не доставлю ему удовольствия.*

И в этот самый момент, кольцо скользнуло на ее палец и тут же впилось в кожу мелкими острыми зубками. Рубин, похожий на кровавый глаз, шевельнулся в оправе, наблюдая за ней.

Принц взял ее под руку движением, которое любому показалось бы полным любви. Они повернулись к придворным. И только Снежка знала, что он удерживает ее на месте, как бабочку, пронзенную булавкой и беспомощно хлопающую крылышками.

Прикосновение длилось и не заканчивалось, словно растянувшись на час, и принцесса чувствовала, как ее улыбка слабеет, но не сдавалась. Снежка не хотела проявить слабость, хотя понимала, что Принц чувствует ее отвращение и тайно наслаждается им.

При первой же возможности она выскользнула из-под его руки и произнесла:

– Здесь очень душно, мой принц. Мне нужно на воздух.

³ As Red As Blood, As White As Snow © Christina Henry 2020.

– Ну, конечно, моя принцесса, – согласился он. – Однако поспеши вернуться ко мне. Я уже чувствую, что не смогу прожить без тебя и мгновения.

Дамы помоложе (и даже несколько более зрелых особ, которым следовало бы лучше понимать ситуацию) радостно закудахтали о том, как невероятно повезло принцессе, ведь к ней посватался такой любящий и нежный принц. *Любящий*, с горечью подумала Снежка, выходя в сад и пытаясь прогнать из головы мысли о побеге. Ей нужно всего мгновение, чтобы отдохнуть от миазмов, окружавших этого человека.

Она углубилась в заросли, чтобы никто случайно не наткнулся на нее, и остановилась у любимого пруда, густо покрытого листьями лилий, на которых восседали упитанные лягушки. Над ними сновали радужные стрекозы, вспыхивая там и тут огоньками, плакучие ивы полоскали свои листочки в воде.

Снежка забралась в тайный тенистый уголок под деревьями и попыталась повернуть кольцо на пальце, хотя понимала, что это бесполезно. Кольцо, кажется, было из серебра, однако вело себя совершенно не так, как все известные ей серебряные предметы.

Она попыталась сильнее надавить на кольцо, но зубки еще сильнее впились в ее кожу, выступила кровь. Снежка вскрикнула.

– Так его не снять. Думаю, ты уже сама это поняла.

– Мама! – воскликнула Снежка и бросилась к мачехе, которая стояла возле пруда и, ломая руки, рыдала от горя. Королева нежно обняла ее, прижала к груди и они вместе залились слезами, ведь она любила принцессу как родную дочь, и другой матери Снежка не знала.

Успокоившись, они снова сели под деревом и некоторое время сидели молча. Королева поднесла палец к губам, давая знак воздержаться от вопросов. А другой рукой показала, чтобы Снежка опустила в воду руку с жутким кольцом. Снежка удивилась, но послушалась: мачеха знала многое, что ей было неизвестно. Королева родилась в волшебной стране и некоторые чары словно прикипели к ней, а иногда ей и самой удавалось творить небольшие чудеса.

Снежка опустила ладонь в пруд и ей показалось, будто нечто шевельнулось и успокоилось. Она почувствовала, что глаз, спрятанный в рубине, больше ее не видит.

Королева все поняла по ее выражению лица, ведь сердцем они были близки друг к другу, хоть и не были связаны узами крови, и кивнула.

– Вода иногда может ограничить действие магии, но ненадолго. Как только ты вынешь руку из пруда, глаз в рубине тут же откроется.

– Значит, он действительно следит за мной, – промолвила Снежка. – Так я и думала. Но я забыла об этом, когда кольцо укусило меня.

Королева кивнула.

– Принц обладает такой силой, с какой я до сих пор не сталкивалась. Он полностью околдовал твоего отца, да так быстро, что я не сумела ни помешать ему, ни смягчить заклятье. Но я знаю, что если бы твой отец был свободен от чар и находился в здравом уме, то никогда не согласился бы на этот брак.

– Но он околдован и ничего не понимает. А трое моих братьев разъехались по делам королевства. Некому защитить меня от волка, забравшегося в наш замок.

– Нам придется сделать все, что еще в наших силах, раз мы не способны встретить его обнаженным мечом, – сурово проговорила Королева. – Я не хочу, чтобы тебе было плохо, а он желает тебе зла. В этом никакой ошибки быть не может.

Снежка кивнула.

– Я чувствую это, хоть и не понимаю причину... И не понимаю, зачем ему понадобилась именно я. И почему его чары не действуют на тебя и меня.

– Он посватался к тебе, именно потому, что не может подействовать на тебя, – проговорила Королева, погладив Снежку по голове. – У твоей матери тоже была волшебная сила, совсем немного, и она перешла к тебе, ее последнему ребенку. Твоих способностей не хватает,

чтоб плести заклинания, однако ты можешь защищаться от них. У тебя достаточно сил, чтобы сеть, которую принц набрасывает на всех остальных, не могла затуманить твои глаза.

Снежка удивилась, услышав, что ее мать имела отношение к волшебству, хотя удивление ее было не слишком глубоким. *Должно быть, это знание таилось где-то в глубинах моего разума. Я чувствовала это. Впрочем, теперь это неважно. Важно лишь то, что принц добивается меня.*

– Но если моя сила так мала, почему тогда она так его заинтересовала? Тому, кто так силен, нужна настоящая волшебница, та, кто сможет передать этот дар его детям.

Королева задумчиво барабанила пальцами по колену, словно раздумывая, стоит ли делиться со Снежкой своими мыслями.

– Расскажи, что тебя беспокоит, – проговорила Снежка. – Я еще не стала его женой, но уже глубоко и по-настоящему связана с ним.

Королева вздохнула.

– Это всего лишь слухи. В родном краю я слышала, что говорят об отце этого принца. У него было много жен, и все они бесследно исчезли. Но это не может быть правдой, ведь его жены были принцессами из разных стран... Если бы все они исчезли, отцы этих принцесс выступили бы против короля, чтобы узнать о судьбе своих дочерей. Так что, думаю, эти разговоры не соответствуют действительности.

Или соответствуют?..

– Что еще тебе известно? – спросила Снежка.

– Когда Прекрасный Принц явился к нам, я отправила в его страну тайного гонца. Я решила, что это будет не лишним, ведь мы ничего не знаем о Принце. Гонец вернулся вчера поздно вечером, хотя всю дорогу скакал так быстро, как только мог. Он сказал, что принц уже был женат, и его первая жена умерла. Сам принц, конечно, об этом не упоминал.

– А почему она умерла, гонец об этом узнал?

– Она умерла при родах, – коротко ответила Королева.

– Но ты ему не поверила, – произнесла Снежка.

– В доме принца нет никакого ребенка. Он, конечно, мог родиться мертвым... Однако жену принца никто не видел с тех пор, как она переступила порог замка.

Снежка почувствовала ледяной холод.

– Я не могу доверять ему.

– Вряд ли у нас есть выбор. Он женится на тебе, и ты уедешь с ним, ведь отказ приведет к войне, – проговорила Королева.

– Не этого ли он и добивается? – задумчиво произнесла Снежка. – Слишком уж большое войско привел собой принц, желающий всего-навсего посвататься к будущей жене.

– Гонец сказал, что страна Принца некрасива и бедна, так что ты, возможно, права. Мы гораздо богаче его. И я думаю, что он не уедет без тебя, каким бы образом ему не удалось добиться этого... добрым или недобрым. Это видно по тому, как он на тебя смотрит.

– Да, – проговорила Снежка, затрепетав. – Я вижу зло в его глазах.

– Но я сделаю все, что могу. Для начала нужно избавиться от его шпиона на твоём пальце. Кольцо уже успело напитаться твоей кровью и укрепиться на месте, однако мы, возможно, сумеем отравить его и заставим отпустить тебя.

Королева похлопала Снежку по колену и сказала:

– Подожди меня здесь. – После чего она удалилась в сад и вернулась с прекрасным круглым красным яблоком. Затем мачеха Снежки извлекла из складок своей мантии несколько крохотных фиалов.

– Ты приготовила все это заранее, зная, что нужно будет освободить меня от чар? – спросила Снежка, удивившись, что у Королевы оказались при себе все нужные зелья.

– Я хотела отравить Принца, но он очень острожен.

– Да, – согласилась Снежка. – Мальчик, который стоит рядом с ним, пробует все, что ему предлагают.

– Честно говоря, я считала этот план не слишком удачным, и хотела прибегнуть к нему только от отчаяния. Если бы Принц внезапно умер от яда, его войско тут же начало бы осаду нашего замка.

– Поэтому ты решила отравить меня? – спросила Снежка, глядя, как мачеха капает различными жидкостями на яблоко.

Королева негромко произнесла несколько слов, которые Снежка не поняла, но ее сердце услышало в них жаркое солнце, жалящий песчинками ветер и прохладные тени, разбегающиеся от луны, сияющей жемчужным блеском. Таковы были слова родной страны Королевы, волшебного края, который она оставила, полюбив Короля, жившего в далекой зеленой стороне.

– Я исправила заговор так, чтобы он не причинил вреда тебе, но кольцу станет дурно от твоей крови. Ты должна откусывать от яблока каждый день, но втайне от кольца, ибо все, что увидит кольцо, увидит и Принц.

С этими словами Королева протянула яблоко Снежке, которая тут же откусила от него кусок, а потом спрятала в кармане. Вкус показался ей странным: едим, а не сладким, огнем обжегшим гортань.

– Не знаю, что еще я смогу сделать для тебя, – продолжила Королева, – но обещаю, что как только твои братья вернутся домой, я пошлю их к тебе. Принц не сможет отказать родственникам жены, и пока они будут рядом, он не сможет причинить тебе зла.

Снежка не стала произносить вслух посетившую ее мысль, потому что заметила тот же страх на лице мачехи.

Что если я не доживу до приезда братьев?

– Как только твоя рука освободится от кольца, – продолжила Королева, – ты сможешь спрятаться от Принца, но до тех пор все попытки будут тщетными. Он сможет следить за тобой, как сокол за перепелкой. Поэтому придержи язык, замкни свое сердце, и притворяйся доброй и любящей женой.

– А потом?

– А потом, дитя, – сказала Королева, – тебе придется бежать.

* * *

Свадьбу сыграли через три дня. Лучи солнца пробивались сквозь высокие окна, и каменный пол был усыпан цветочными лепестками. Принц поцеловал принцессу, и все вокруг расцвели улыбками и разразились приветственными криками. Снежка сохраняла самообладание и не отстранилась от Принца, хотя ей очень хотелось это сделать.

Когда Принц отпустил ее, Снежка заметила удивление на его лице, словно он ожидал чего-то другого.

– Что случилось, мой принц? – негромко спросила она, пока их осыпали серпантинном и розами.

– Твои губы подобны сладкому вину с пряностями, – проговорил он. – Я ожидал сладости, но не пряного вкуса.

Снежка поняла, что Принц почувствовал вкус отравленного яблока. Испугавшись, что он узнает ее тайну, она сказала (игривым тоном, совершенно чуждым ей):

– Мне кажется, сладость ощущается лучше, если к ней примешивается легкая острота, не так ли?

Принц пристально посмотрел ей в глаза, и Снежка почувствовала неприятное покалывание во всем теле, словно он пытался заглянуть ей в сердце. Однако она окружила терновой стеной и свое сердце, и свои тайны, и Принц, недовольно поморщившись, отвел взгляд.

Они должны были уехать сразу после свадьбы. Успешно завершив дело, Принц хотел как можно быстрее вернуться домой. Спешку он объяснял тем, что слишком надолго оставил свое королевство, и ему нужно защищать границы, но Снежка знала, что на самом деле он хочет как можно дальше увезти ее, чтобы приступить к исполнению своих планов.

Мне предстоит долгое путешествие, думала она садясь в карету. У меня еще есть время.

Принц вежливо, но твердо, настоял, чтобы Снежка не брала с собой служанок из родного замка.

– В моем дворце много слуг, и вашим служанкам вовсе незачем отправляться так далеко.

Королева попыталась возразить, настаивая на том, что принцессе неприлично путешествовать одной, но Король попросту отмахнулся от ее возражений.

– Снежка едет вместе со своим мужем, и ничего неприличного тут нет и не может быть, – заявил он и, конечно же, слово Короля оказалось решающим.

Отец, – с отчаянием думала Снежка. – Что-то ты скажешь, когда очнешься от колдовского сна! Придешь ли ты в ужас, узнав, чему позволил совершиться?

Она ехала одна в своей карете, занавески на окнах были задернуты, а ее муж ехал верхом со своими людьми. Каждый день она украдкой откусывала по кусочку от яблока, которое дала ей Королева, и каждый день хватка кольца на пальце чуть ослабевала, хотя глаз, смотревший на нее из глубины рубина, не мутнел.

Снежка пыталась не думать о том, что ждет ее впереди. Она пыталась не думать о том, что будет, когда Принц захочет вступить в супружеские права. До сих пор ее молодой муж держался с неизменной вежливостью и заботливо выполнял все ее просьбы. Каждый вечер, когда они останавливались на ночлег, он проверял, чтобы Снежке было уютно в просторном шатре, а сам спал снаружи под открытым небом. Однако она замечала масляный блеск в его глазах, говоривший о том, что он предвкушает удовольствие. Этот блеск заставлял ее трепетать и отворачиваться.

Наконец они прибыли в страну Принца. Снежка внимательно смотрела по сторонам из окна кареты, но видела только серые скалы, серые деревья и серые облака, собиравшиеся кучами над землей. Полей было немного, и те, мимо которых они проезжали, поражали своей скудостью, а возделывавшие их люди выглядели бедняками.

Как выживают здесь люди? – подумала Снежка, а потом решила, что королевство, наверное, очень несчастливо, раз его правитель так пренебрегает своими подданными.

Замок Принца стоял на высоком холме, окруженном валунами. Подъехать к замку можно было только по узкой, крутой дороге.

И выйти оттуда можно только по одной дороге, думала Снежка, глядя на валуны. Сделать это может только отчаянный, безрассудный храбрец.

Как только ворота замка закрылись за ее каретой, она подумала: *Наверное, я очень безрассудна. И такой придется быть и впредь.*

Принц подал руку, чтобы Снежка оперлась на нее, выходя из кареты. Когда их ладони соприкоснулись, перстень с рубином повернулся на ее пальце – едва заметно, совсем чуть-чуть, но Принц бросил на нее пристальный взгляд.

Зубы немного сточились, подумала Снежка, улыбнулась, как умеют улыбаться только принцессы, и спросила:

– А где же дворецкий?

Глаза Принца сузились, и он произнес:

– В мое доме особый порядок. Ты сама все увидишь, когда мы войдем внутрь.

Снежке было не по себе от тревоги. Заметил ли принц движение кольца, или решил, что это ему показалась? Он уже подозревает ее? Она надеялась, что хватка кольца ослабнет еще в пути и ночью она выскользнет из шатра и раствориться в дремучих лесах. Однако в стране

Принца лесов, сулящих легкий побег, не оказалось, и хотя хватка кольца немного ослабла, оно по-прежнему крепко сидело на ее пальце.

Нужно подождать... Нужно дождаться, когда Принц не сумеет выследить меня.

Никто не встречал их на пороге замка, дворецкий не вышел навстречу. За дверью не ждал слуга, чтобы забрать ее плащ, а потом проводить в комнату, где ожидает горячая ванна. Только эхо захлопнувшейся двери прокатилось по залу.

Снежка окинула взглядом пустой зал, ветхие гобелены, гнилую солому на каменном полу.

Ни следа приветливости и обаяния не осталось на лице Принца. Они остались наедине и он сбросил маску.

– Но где же слуги? – спросила Снежка. И гулкое эхо ее слов вернулось к ней, обежав унылую комнату.

– Замок даст тебе все, что понадобится, – проговорил Принц. – Нужно только попросить.

Новые чары, в отчаянии подумала Снежка. Чтобы никакая пронырливая служанка или любопытный мальчишка, не узнали, почему так кричит хозяйка замка.

Ей хотелось покрутить кольцо, проверить, нельзя ли уже избавиться от него, но она стиснула кулаки и спрятала руки в рукава мантии. Не стоит привлекать внимание Принца. Яблоко она спрятала в карман юбки. От него осталось немного: сердцевина с зернышками и краешек с одной стороны. Оставалось только надеяться, что в ней осталось достаточно яда, чтобы освободить ее.

– Когда я должна предстать перед твоим отцом? – спросила она, ибо конечно же принцем ее муж являлся только потому, что отец его все еще был королем.

– Последнее время отец не очень хорошо себя чувствует, – ответил Принц. – Как только ему станет лучше, я сразу же вас познакомлю.

Снежка почувствовала, что он лжет, но промолчала. Пока нужно оставаться тихой и покорной. Нельзя, чтобы принц заподозрил, что она задумала бежать. *Хотя я понятия не имею, куда и как бежать.*

Но план можно придумать позже... А пока нужно избавиться от надзора. И пока она этого не сделает, руки у нее связаны.

– В замке ты можешь ходить куда угодно, кроме восточного крыла, – промолвил Принц, указав налево, в сторону хлипкой винтовой лестницы. – Замок очень старый, там не безопасно. А твоя комната находится в этой стороне.

Он указал ей на более широкую лестницу и дал знак следовать за ним. Снежка послушалась, чувствуя, как колотится сердце. Принц подвел ее к деревянной двери, в которую был вставлен большой кроваво-красный рубин, похожий на воспаленный глаз – близнец того, что был в перстне Снежки. Войдя в комнату, она обнаружила, что рубин виден и с внутренней стороны двери, и совсем расстроилась.

Повсюду глаза, проговорила она про себя. Что делать, что же делать?

– Искупайся и переоденься, а потом спускайся к обеду, – произнес Принц, и губы его вновь изогнулись в жуткой и довольной улыбке, словно он заметил взгляд, который Снежка бросила на рубин.

Он знает, что я все понимаю, и это его развлекает. Он уверен, что я беспомощна и ничего не могу поделать. Для него я словно крыса, бегущая в лабиринте. И что бы я ни делала, вернуться я не смогу.

– Благодарю, – надменно произнесла Снежка, не проявив никакого удивления при виде большой ванны в углу комнаты. Ванна была наполнена водой, над которой поднимался легкий пар.

Кроме ванны в комнате находилась только кровать с четырьмя столбиками для балдахина, покрытая линялым красным одеялом, на котором лежало белое домашнее платье.

Надевая платье через голову, Снежка подумала о том, как же она справится без служанки, ведь нужно затянуть шнуровку на спине, и тут же вскрикнула от неожиданности – шнурки завязались сами собой, широкий кушак обхватил ее талию. Большой гребень аккуратно расчесал ее влажные волосы, косы сами заплелись и красиво легли вокруг головы.

За все это время Снежка не издала ни звука, если не считать первого, вырвавшегося от неожиданности крика, хотя внутренне дрожала от страха. Она не хотела показывать слабость, ведь Принц без сомнения следил за ней и ожидал проявлений паники.

Я не сдамся, ведь я принцесса.

Снежка аккуратно разложила свое дорожное платье на постели и, повернувшись спиной к двери, сунула отгрызок яблока в карман нового платья.

Она думала, что дверь откроется от первого же прикосновения, но оказалось, что открывается она обычным способом. В замке Снежка обнаружила небольшой старинный ключик.

За обедом Принц сидел напротив нее, и развлекал ее непринужденным разговором. Снежка отвечала, едва понимая, что говорит. Она заметила, что волосы Принца влажные, и решила, что он также принял ванну, хотя бриться не стал. Его щеки покрывала щетина, в свете свечей, отливавшая синим.

Трапеза закончилась, и Снежка стала ждать, что будет потом. Дома после обеда они занимались шитьем, пели песни, вели интересные беседы, а иногда даже танцевали. Она не хотела танцевать с мужем, ей казалось, что эхо в этом зале исказит прекрасную музыку. Царившая здесь атмосфера изуродовала бы любую песню.

– Теперь ты можешь подняться в свою комнату, – проговорил принц. – У меня есть еще кое-какие дела.

– Конечно, – ответила Снежка, и направилась вверх по лестнице, чувствуя, как душа проваливается в пятки. Закончив свои дела, он явится к ней. И здесь, в замке никто его не услышит его.

Неужели я должна сидеть и трястись, как кролик, ожидая пока войдет лис и съест меня?

Войдя в спальню, она закрыла за собой дверь. Красный глазок подмигнул ей, и она вдруг рассердилась. *С какой стати он следит за мной, будто я преступница? Зачем мне позволять ему такое удовольствие? Я ведь могу спрятать кольцо в складках своей юбки.*

Снежка взяла с постели свое дорожное платье и оторвала пояс, вынула из волос несколько шпилек и приколотла пояс к двери, закрыв рубиновый глаз. Тот недовольно зажужжал, как пытающаяся освободиться сердитая пчела.

– Посмотрим, как тебе это понравится, – проговорила Снежка, доставая из кармана ключ. Она не тешила себя надеждой, что ей удастся так просто спрятаться от Принца, но все-таки заперла дверь. Так она выгадает несколько мгновений, пока он будет отпирать замок.

Из замочной скважины потянулась струйка дыма.

Новые чары... которые должны помешать мне пользоваться ключом?

Снежка нагнулась к скважине. Ничего особенного она не увидела, зато почувствовала, как сладковатый запах пощипывает ноздри.

Яблоко, подумала она. Это пахнет яд, которым отравлено яблоко. Должно быть я прикоснулась им к ключу.

Повернув ручку, она попыталась открыть дверь. Замок не поддавался. Но помешает ли он Принцу взойти на ее ложе?

Пока Снежка обедала в зале, в спальне появился сундук с ее вещами. Достав из него ночную рубашку, она ожидала, что призрачные пальцы тут же расшнуруют платье, однако ничего не произошло.

Неужели это потому, что я закрыла глаз в двери? Эта мысль показалась Снежке интересной. Возможно, ей все-таки удастся вновь обрести свободу. Но снять платье она не могла,

а если бы это и удалось, ей бы все равно понадобилась помощь, чтобы одеться. Безуспешно потратив несколько минут в попытках снять белое платье, Снежка с досадой сдалась и легла на кровать одетой, развязав только кушак на талии. Она успела подумать, что страх не позволит ей уснуть, но сразу задремала.

Когда она открыла глаза, в спальне было темно. Она услышала, что за дверью кто-то возится.

Снежка села, кровь стучала в ее ушах. Кольцо с рубиновым глазом она засунула под покрывало – чтобы оно не выдало, что она проснулась. Сквозь замочную скважину доносился голос Принца. Слов она не разобрала, но смысл был понятен.

Он пытался отпереть замок заклинаниями.

Голос Принца стал громче, потом он выругался. Замок не отпирался.

– Отопри дверь, дорогая, – сказал он. За всю историю мира слово «дорогая!» никто еще не произносил с меньшей симпатией.

Снежка не шевелилась, она сидела неподвижно, тише мышки, попавшейся на глаза коту.

– Белоснежка! – воскликнул Принц низким воркующим тоном, который должен был очаровывать и соблазнять. – Открой дверь своему мужу!

Не открою.

Принц потряс дверную ручку. Снежка чувствовала его гнев, разочарование и *голод*. Это голод был ужасен. Подобно грозной морской волне он разбивался о дверь, просачивался между волокнами древесины, обрушивался на нее. Спасая свою жизнь, она отчаянно вцепилась в простыни и покрывала, закусив губу, чтобы не выдать себя внезапным звуком.

– Белоснежка, – заговорил Принц голосом, в котором не было уже никакой напускной ласки. – Сейчас же отпри дверь! Ты не имеешь права отказывать мне!

Снежка попыталась представить себе, насколько хуже ей будет потом. Она ведь понимала, что лишь оттягивает неизбежное. Но все равно не могла заставить себя отпереть дверь. Не могла впустить волка.

Через некоторое время возня за дверью прекратилась. Она услышала смешок Принца, негромкий и мрачный.

– Видишь ли, дорогая, завтрашний день всегда наступает, – проговорил он.

В ту ночь Снежка больше не уснула.

* * *

На следующее утро Снежка съела последний кусок яблока, в котором, наверное, уже совсем не осталось магии, потому что он не обжег гортань. Снежка догадалась, что остаток магии перешел на ключ.

Она раздвинула шторы и настежь растворила окно. Воздух снаружи показался ей холодным и неприятным, однако неяркий свет просачивался сквозь облака. Она повертела кольцо так и этак, подставив его под солнечный луч. На серебре появилась темная жилка, которой прежде не было, и, вроде бы, глазок подернулся дымкой, однако, возможно, ей просто показалось.

Набрав полную грудь воздуха, она отперла дверь.

Она ожидала увидеть Принца, готового наказать ее, однако его нигде не было видно. Мягко ступая, Снежка сошла по лестнице. Стол был накрыт к завтраку на одного человека, и Принца поблизости не оказалось.

На тарелке Снежки лежал кусочек пергамента, на котором красивым почерком было написано: «*Дорогая жена, днем я буду занят, но вечером непременно навещу тебя.*»

Снежка отшвырнула записку. Кому-нибудь другому она могла показаться любовным посланием, но на самом деле это была угроза. И обещание исполнить ее.

Сев за стол, Снежка стала есть. На сытый желудок думается лучше. Оказалось, что она голодна сильнее, чем думала.

Это случилось, когда она потянулась за следующим тостом...

Кольцо слетело с ее левой руки прямо в масленку.

Сердце Снежки возликовало: теперь, когда кольца на ее руке не было, она могла спастись. Более того, она могла сделать прямо сейчас.

Принца не было рядом, а если кто-нибудь из стражников спросит, куда она идет, можно сказать, что она хочет прогуляться. Они не могут приказывать жене их Принца.

Она встала из-за стола, собираясь переодеться во что-нибудь более подходящее для побега – белое платье на фоне серого пейзажа тут же привлечет внимание (*возможно, именно об этом он и думал, приготовив его для тебя*).

И тут она услышала женский плач.

Снежка остановилась. Женщина не просто плакала – она рыдала, даже кричала, и звуки доносились из восточного крыла.

Снежка колебалась лишь мгновение. Принц запретил ей ходить в восточное крыло, но она не могла оставить без помощи страдающего человека.

Но что если Принц вернется и поймает тебя? Что, если ты упустишь шанс?

Эти эгоистичные доводы возможно и переубедили бы Снежку, но рыдания женщины становились все громче.

– Не могу, – сказала она себе. – Я не могу оставить ее в беде, кем бы она ни была. – И Снежка сделала шаг по лестнице, ведущей в восточное крыло.

Что ж, зато Принц сейчас может видеть только масло в масленке, подумала она, вытерла мокрые руки о мягкое платье, и попыталась забыть про страх.

Лестница привела ее в длинный коридор, в конце которого находилась дверь. Голос женщины ослабевал, но доносился он из комнаты за этой дверью. Снежка подбежала к двери, нажала на ручку, но дверь не открывалась. Тогда она достала из кармана отравленный ключ и вставила в замочную скважину.

Дверь распахнулась.

В первой комнате на возвышениях стояли сундуки из полированного темного дерева, усыпанные драгоценными камнями. Плотный красный занавес в углу, должно быть, скрывал дверь в соседнюю комнату, откуда доносились жуткие звуки. Снежка застыла в нерешительности, ее переполнял такой ужас, что она едва могла дышать. На цыпочках она пробралась мимо сундуков.

Последний из них оказался открытым, как будто поджидал кого-то. Он весь был усыпан красными самоцветами, подобными тому, который был в ее кольце.

Он ждет меня, с внезапной уверенностью подумала Снежка, и поняла, что должна узнать, что находится в остальных сундуках.

Она прикоснулась к крышке соседнего сундука, и та поднялась.

Внутри оказалось сердце – красное, живое, бьющееся.

Трясущимися руками Снежка открыла следующий сундук и увидела такое же живое, бьющееся сердце. Она окинула взглядом сундуки, которыми была заставлена вся комната – их тут была не одна дюжина, и вспомнила, что Королева говорила ей об отце Принца и множестве его жен, исчезнувших без следа. Да и у самого Принца до Снежки была жена, и она тоже пропала без вести.

Снежка посмотрела на красный занавес, прислушалась к жутким звукам, доносившимся из соседней комнаты... Она не хотела знать, что там происходит, но выхода не было.

Она отодвинула занавес в сторону.

Лицо ее мужа утопало в чем-то, прежде являвшимся телом женщины, но теперь превратившимся в большой кусок мяса. Заметив Снежку, отодвинувшую занавес, он оторвался от

своей трапезы, и она заметила, что его лицо за ночь заросло густой синей бородой, а глаза стали красными, как струйка крови, стекавшая по подбородку.

Он улыбнулся, но Снежка подумала, что называть улыбкой такую страшную гримасу невозможно.

– Наглая, вздорная девчонка! – проговорил ее муж. – Я ведь запретил тебе ходить в восточное крыло.

Снежка бросилась наутек.

Пробегая по коридору, сбегая по лестнице, мчась к входной двери, она слышала за спиной его хохот. И как ни крутила она ручку двери, как ни налегала на нее, та не поворачивалась... И в ней не было скважины для волшебного ключика.

– Куда же ты бежишь, дорогая невеста? – громко спросил Прекрасный Принц, остановившись на верху лестницы, ведущей в восточное крыло.

Не зная, что делать и куда бежать Снежка бросилась к противоположной лестнице. Она понимала: надо спастись, нельзя попасть к нему в лапы.

Пробегая мимо стола, она заметила торчащее из масленки отравленное кольцо, и, сама не зная зачем, схватила его вместе с пригоршней масла и метнулась дальше, к лестнице, ведущей в западное крыло.

– Спасения нет, Белоснежка, – неторопливо проговорил ее муж, оказавшийся теперь совсем близко.

– От меня не ушла еще ни одна невеста, как бы они не кричали, не визжали и не бежали, – продолжил он. – Мне нравится, как вы тут бегаете. Так что беги себе, моя голубка. Слаще будешь, когда я тебя поймаю.

Снежка вбежала в свою комнату, надеясь, что сумеет снова запереть дверь, однако магия, должно быть, покинула ключ, и замок больше не сопротивлялся хозяину.

Дверь распахнулась, и Снежка попятилась. В голове ее повторялись и те же слова:

– *Что же мне теперь делать? Что же мне теперь делать?*

Растаявшее масло текло сквозь пальцы, сердце отчаянно колотилось о ребра, и казалось, что оно вот-вот выскочит наружу.

Но ему и так придется расстаться с моим телом. Принц вырежет его и положит в сундук, чтобы хранить вместе с другими трофеями.

Принц шагнул в комнату. Он казался огромным, в два раза выше, чем раньше. Его липкие, обогранные кровью руки тянулись к ней.

– Бежать некуда, Белоснежка. Будь хорошей девочкой и позволь мне сделать с тобой все, что я захочу, – проговорил он. – Я ведь все равно добыю своего.

Снежка увидела в его глазах отражение всех своих ужасов. Ветерок из открытого окна развевал ее белое платье. Пальцы Принца скрючились, словно он уже вырывал из груди ее сердце.

Ну, нет, – твердо сказала себе Снежка. – Я не сдамся. И никогда больше не буду хорошей девочкой.

Широко раскрыв рот Принц нагнулся к ее горлу... чтобы поцеловать? Или укусить? Снежка так и не поняла этого... Она размахнулась и швырнула кусок масла с отравленным кольцом прямо ему в глотку.

Принц поперхнулся, непроизвольно слотнул, и масло помогло кольцу проскользнуть в его пищевод.

– Что ты со мной сделала?! – воскликнул он раздирая себе горло, сдирая с шеи длинные окровавленные полоски кожи. Из рта у него повалил дым, из уголков глаз тоже потянулись струйки дыма, на лице вздулись черные вены. – Что ты сделала со мной, Белоснежка?!

Он попытался схватить ее, но она отпрыгнула в сторону, и Принц нырнул головой в открытое окно.

Снежка изо всех сил толкнула его в спину.

Падая, людоед завопил. Она услышала в его голосе ужас и муку, и это ее обрадовало.

Крик оборвался, и Снежка выглянула из окна. Неподвижное тело Принца распласталось на камнях у стен замка.

А вдали, на дороге клубилась пыль. Снежка различила трех всадников, скачущих во весь опор – это были ее братья, они заберут ее домой.

Кристина Генри

Мост Тролля⁴

Почти все железнодорожные пути разобрали в начале шестидесятых, когда мне было три или четыре года, и сеть дорог разорвали на клочки. Ехать было некуда, кроме Лондона. Маленький городишко, в котором я жил, оказался в конце ветки.

Самое раннее воспоминание: мне восемнадцать месяцев, мать в больнице, рождает мою сестру, и бабушка спускается со мной к мосту, берет меня на руки, и показывает поезд, проходящий под ним, пыхтящий и дымящий, словно черный железный дракон.

За следующие несколько лет сгнули последние паровозы, а с ними вместе и сеть железных дорог, соединявших деревню с деревней и городок с городком. Я не знал тогда, что время поездов заканчивается. И к тому времени, когда мне исполнилось семь, они уже ушли в прошлое.

Мы жили в старом доме на окраине города. За домом начинались поля, заброшенные и пустынные. Я часто перелезал через забор и устраивался с книжкой в тени тростника, а если чувствовал тягу к приключениям, начинал исследовать земли опустевшего поместья, спрятавшегося за полями. Возле особняка находился живописный заросший пруд, через него был перекинут деревянный мост. Бродя по полям и лесам, я не встречал ни сторожей, ни смотрителей, и никогда не пытался войти в дом. Это могло бы навлечь на меня несчастье, к тому же я свято верил, что опустевших старых домах водятся привидения.

Не то чтобы я был суеверным, просто искренне верил тогда в существование мрачных и опасных тварей. Юношеские убеждения твердили мне, что ночь полна призраков и ведьм, голодных, облаченных во мрак и колышущуюся тьму.

И, разумеется, я был уверен, что противоположность ночи, светлый день, надежен и безопасен.

Светлый день был всегда безопасен.

Мой ритуал был таким: в последний день летних занятий в школе, возвращаясь домой я снимал с ног ботинки и носки, и не выпуская их из рук, шел мягкими и розовыми ступнями по каменистой, кремнистой тропе. Во время летних каникул я надевал башмаки только под самым жестким нажимом. И соблюдал свободу ног от обуви до самого начала занятий, до сентября.

Еще в семь лет я открыл для себя дорогу через лес.

В летний, жаркий и светлый день... тогда я далеко ушел от дома.

Я исследовал окрестности. Шел мимо дома с заколоченными и слепыми окнами, через поля, через незнакомые перелески. Спустившись с крутого склона, оказался на тенистой, совершенно незнакомой, заросшей деревьями тропе. Свет, проникавший сквозь листву, был окрашен зеленью и золотом, и я решил, что попал в волшебную страну.

Вдоль края тропинки сочился крохотный ручеек, кишевший крохотными, прозрачными креветками. Я подбирал их и рассматривал, как они крутятся и вертятся на моей ладони. А потом отпускал обратно.

Я шел вперед по совершенно прямой тропе, поросшей невысокой травой. Время от времени мне попадались действительно великолепные камушки: бугристые, как бы оплавленные, бурые, черные и фиолетовые. Посмотрев на просвет, можно было различить все оттенки радуги. Я не сомневался, что это исключительно ценные предметы, и потому набивал ими карманы.

Словом я шел, шел и шел по тихому золотому и зеленому коридору, никого не встречая.

⁴ Troll Bridge © Neil Gaiman 1993. Originally published in Snow White, Blood Red, edited by Ellen Datlow and Terri Windling. Reprinted by permission of the author.

Я не испытывал ни голода, ни жажды. Мне просто хотелось узнать, куда ведет эта тропа, совершенно прямая и ровная.

Тропа тянулась и тянулась, оставаясь собой, но окружавший ее ландшафт изменялся. Сначала я шел по дну ущелья, по обе стороны высились крутые, густо заросшие травой стены. Потом тропа поднялась выше всего вокруг и, ступая по ней, я смотрел сверху на верхушки деревьев и на кровли иногда мелькавших вдали домов. Сама тропа всегда оставалась, и я шел через сменявшие друг друга равнины и долины, и одна из долин привела меня к мосту.

Огромная, сложенная из чистого красного кирпича арка нависала над тропой. С одной стороны моста в откос были врезаны каменные ступени, а на самой верхушке лестницы находилась небольшая деревянная калитка.

Я был удивлен этим доказательством существования человечества, внезапно появившимся на моей тропе, имевшей, как мне казалось, совершенно естественное происхождение – как какой-нибудь вулкан. И, руководствуясь скорее любопытством, чем другими соображениями (в конце концов, я прошагал сотни миль и мог находиться буквально *где угодно*), я поднялся по каменным ступеням и прошел в калитку.

И оказался нигде.

Верх моста был покрыт грязью. По обе стороны от него тянулись поля. С моей стороны было пшеничное, поле с другой стороны заросло травой. В засохшей глине отпечатались следы колес огромного трактора. Чтобы убедиться в том, что все это мне не мерещится, я прошел по мосту на другую сторону. Никаких звуков, мои ноги ступали бесшумно.

Вокруг на мили и мили только поля, пшеница и деревья. Я сорвал колосок, растер пальцами, вышелушил на ладонь сладкие зерна, и принялся задумчиво их жевать. И тут же понял, что проголодался, и потому спустился по лестнице к заброшенному железнодорожному полотну. Пора было возвращаться домой. Я не заблудился. Нужно было только проделать тот же путь в обратную сторону.

Троль ждал меня под мостом.

– Я троль, – представился он. И помолчав, добавил: – Фоль роль де оль роль⁵.

Это прозвучало как результат долгих раздумий.

Троль был огромен – головой он задевал кирпичную арку, и отчасти прозрачен: я видел сквозь него кирпичи и деревья, потускневшие, но никуда не девшиеся. Он был воплощением всех моих кошмаров: огромные крепкие зубы, хищные когти и крепкие волосатые руки. С макушки свисали длинные пряди, как у пластмассовых куколок моей сестры, дополняли все это глаза навывкате. Он был голым, и из кустика кукольных волос между ног свисал пенис.

– Я слышал тебя, Джек, – прошептал он голосом, подобным дуновению ветра. – Я слышал, как ты топал по моему мосту. И теперь я съем твою жизнь.

Мне было всего семь лет, однако был ясный день, и я не помню, чтобы хоть сколько-нибудь испугался. Не так это страшно, когда в эпизод из сказки попадают дети – они достаточно хорошо подготовлены, чтобы справиться с этим.

– Не ешь меня, – обратился я к троллю. На мне была полосатая коричневая тенниска и коричневые вельветовые брюки. Волосы были каштановыми, а во рту не хватало переднего зуба. Я как раз учился свистеть сквозь дырку, однако еще не вполне освоил это мастерство.

– Я собираюсь съесть твою жизнь, Джек, – повторил троль.

Посмотрев ему в глаза, я солгал:

– Скоро по этой тропинке пойдет моя старшая сестра. Она куда вкуснее меня. Лучше съешь ее.

Троль принялся и улыбнулся:

⁵ Припев нескольких старинных песен, не имевший никакого смысла и просто удлинявший текст. *Здесь и далее – прим. переводчика.*

– Ты здесь один. На тропе никого нет. Вообще никого.

А потом наклонился и провел по мне пальцами: словно бабочки прикоснулись к моему лицу... или пальцы слепца. Обнюхав пальцы, он покачал огромной головой.

– У тебя нет старшей сестры, только младшая, а она сегодня гостит у подруги.

– И ты можешь сказать это по запаху? – изумился я.

– Тролли различают запах радуги и запахи звезд, – промолвило чудище с легкой печалью. – Тролли знают запах снов, которые снились тебе еще до рождения. Подойди поближе, чтобы я мог съесть твою жизнь.

– А еще у меня в кармане драгоценные камни, – сказал я троллю. – Лучше съешь их, чем меня. Вот. – Я протянул ему блестящие камешки, которые подобрал по дороге.

– Шлак, – пренебрежительно молвил тролль. – Мусор, оставшийся от паровозов. Мне не нужно.

И он распахнул пасть пошире. Из-за острых зубов пахнуло прелой листвой и изнанкой вещей. – Есть хочу. Ближе.

У меня на глазах он обретал все большую материальность, становился все более реальным, а мир вокруг меня начал сдуваться и блекнуть.

– Подожди. – Я впился пальцами ног в сырую землю под аркой, пошевелил ими, стараясь удержаться в реальном мире. А потом заглянул ему в глаза. – На самом деле ты не хочешь есть мою жизнь. Пока что. Я... мне только семь лет. Честно говоря, я еще и не жил. Не прочитал столько книг. Никогда не летал на самолете. Я даже свистеть не умею... по-настоящему. Почему бы тебе не отпустить меня? Когда я стану старше и больше, тебе достанется более вкусный кусок. Когда я вернусь.

Троль уставился на меня глазами, похожими на автомобильные фары. А потом кивнул.

– Значит, когда вернешься, – проговорил он и улыбнулся.

Повернувшись к нему спиной, я направился прочь по безмолвной прямой тропе, на которой некогда лежали рельсы, и спустя некоторое время бросился наутек.

Я бежал в зеленом полумраке по насыпи, пытая и задыхаясь, пока не ощутил острый укол под грудной клеткой, чем-то похожий на стежок. И, держась за бок и оступаясь, побрел домой.

* * *

По мере того, как я вырос, поля начали исчезать. По одному, ряд за рядом, на них возникали дома, выстроившиеся вдоль улиц, названных в честь полевых цветов и уважаемых писателей. Наш дом – состарившийся, обветшавший викторианский дом – был продан и снесен. Новые дома вытеснили в прошлое сад.

Дома строились повсюду.

Однажды я заблудился в новом домовладении, занявшем два луга, известных мне до каждой своей пяди. Впрочем, я не слишком жалел об исчезающих домах. Старое поместье купила крупная корпорация, и на его землях появились новые дома.

Это было за восемь лет до того, как я вернулся на старую железнодорожную насыпь, и вернулся я туда не один.

Мне исполнилось пятнадцать лет и я уже два раза поменял школу. Ее звали Луизой, и она была моей первой любовью.

Я любил ее серые глаза, легкие светло-каштановые волосы, неловкую, застенчивую походку (как у олененка, который еще только учится ходить; это звучит довольно странно, так что прошу за это прощения). Когда мне было тринадцать, я увидел, как она жует резинку, и влюбился в нее с решимостью самоубийцы, бросающегося с моста.

Главная сложность любви к Луизе заключалась в том, что мы были с ней лучшими друзьями и входили в одну компанию. Я никогда не признавался ей в любви, даже не говорил, что она мне нравится. Мы были просто приятелями.

В тот вечер я был у нее дома: мы сидели у нее в комнате и слушали *Rattus Norvegicus*⁶, первый альбом группы *Stranglers*⁷. Это самое начало панка, и все было таким волнующим: возможности – в музыке и во всем прочем – казались бесконечными.

Наконец настало время возвращаться домой, и она решила проводить меня. Мы держались за руки самым невинным образом. До моего дома нужно было идти минут десять.

Луна ярко светила, мир, окружавший нас, потерял краски. Было тепло.

Мы дошли до моего дома. Увидели в окнах огни, и остановились на дорожке, обсуждая группу, которую я собирался создать. Входить мы не стали.

А потом мы решили, что теперь я должен проводить ее домой. Она рассказала мне о том, что ссорится с младшей сестрой, которая таскает у нее косметику и духи. Луиза подозревала, что сестра занимается сексом с мальчиками. Сама она была девственницей. Я тоже.

Мы остановились на дороге перед ее домом, под желтым уличным фонарем, посмотрели друг на друга... на желтые лица и черные губы.

И улыбнулись друг другу.

А потом просто шли, выбирая тихие дороги и безлюдные тропинки.

В одном из новых домовладений тропа повела нас в лес, и мы пошли по ней. Тропа была прямой и темной, однако огоньки далеких домов сверкали как рассыпанные по земле звезды, и луна надежно освещала наш путь. Однажды мы испугались, когда что-то запыхтело и зафыркало перед нами. Осторожно продвинувшись вперед, мы увидели барсука, рассмеялись, обнялись и продолжили путь, разговаривая о всяких пустяках – о своих желаниях, мечтах и мыслях.

И все это время я хотел поцеловать ее, погладить груди, а может быть даже и запустить ей руку между ног.

Наконец я увидел удобное место. Над тропой нависал старый кирпичный мост, мы остановились под ним и я прижал ее к себе. Ее губы приоткрылись навстречу моим.

И тут она неподвижно застыла и похолодела.

– Привет, – сказал тролль.

Я выпустил Луизу из объятий. Под мостом было темно, и тень тролля заполняла собой мрак.

– Я заморозил ее, – пояснил тролль, – так что мы можем поговорить. Короче, я хочу съесть твою жизнь.

Мое сердце отчаянно заколотилось, и я почувствовал, что дрожу всем телом.

– Нет.

– Ты сам сказал, что вернешься ко мне и вернулся. Ты научился свистеть?

– Да.

– Хорошо. А я так и не сумел. – Чудище принялась и кивнуло. – Я доволен. Ты накопил в себе жизни и опыта. В тебе всего стало больше. Для меня.

Я схватил неподвижную и безмолвную Луизу, и толкнул к троллю.

– Не надо меня есть. Я не хочу умирать. Возьми ее. Уверяю: она покажется тебе гораздо вкуснее меня. И она на два месяца старше. Почему бы тебе не забрать ее?

Тролль промолчал.

Но обнюхал Луизу с ног до головы, особым образом уделив внимание ногам, паху, грудям и волосам.

А потом посмотрел на меня.

⁶ Серые крысы, пасюки.

⁷ Душителли.

– Она невинна, – проговорил он, – а ты нет. Я не хочу ее. Хочу тебя.

Я отступил к началу моста и посмотрел на ночные звезды.

– Но я не испробовал многого, – заметил я отчасти обращаясь к себе самому. – То есть, никогда еще не делал. Например, еще не занимался сексом. А еще никогда не был в Америке. И вообще, никогда еще... – я умолк. – Ничего толком не сделал. Пока что.

Троль молчал.

– Я же могу прийти к тебе снова. Когда стану взрослым.

Троль продолжал молчать.

– Я приду к тебе. Я вернусь. Честное слово.

– Вернешься ко мне? – переспросила Луиза. – Почему? Разве ты собираешься уходить?

Я повернулся. Троль исчез, и девушка, которую я, как мне казалось, любил, стояла в тени под мостом.

– Идем домой, – сказал я ей. – Пошли.

И мы отправились назад, и больше не произнесли ни слова. Она связалась с барабанщиком из панк-группы, которую я собрал, а потом, гораздо позже, вышла за кого-то другого. Однажды мы с ней встретились в поезде, уже после того, как она вышла замуж, и Луиза спросила меня о том, помню ли я ту ночь.

Я ответил, что помню.

– А ведь ты действительно нравился мне тогда, Джек, – сказала она. – Я думала, ты хотел поцеловать меня, хотел сделать мне предложение. Я сказала бы тебе «да». Но ты промолчал.

– Но я промолчал.

– Да, – сказала она. – Ты промолчал.

Она была очень коротко стрижена. Прическа не шла ей.

Я больше никогда не видел ее. Аккуратная женщина, напряженно улыбающаяся мне, ничем не напоминала ту девушку, которую я любил, и разговор с ней складывался неловко.

* * *

Я перебрался в Лондон, а потом, через несколько лет приехал обратно, однако городок, куда я вернулся, ничем не напоминал тот город, который я помнил. Здесь больше не было полей, ферм, узеньких каменистых тропинок, и при первой возможности я перебрался в крохотную деревеньку, находившуюся в десяти милях от города.

Перебрался с семьей – теперь я был женат, у нас был ребенок, – в старинный дом, в котором много лет назад была железнодорожная станция. Рельсы давно убрали, и пара живших напротив нас стариков выращивала овощи на месте путей.

Я начал стареть. И однажды заметил на виске седой волос. В другой день я прослушал запись своего голоса, и понял, что он похож на голос моего отца.

Работал я в Лондоне, занимался артистами и репертуаром в крупной звукозаписывающей компании. Ездил в город днем на поезде, а по вечерам иногда возвращался домой. В Лондоне у меня была крохотная квартирка. Трудно ездить за город, когда группы, которые ты прослушиваешь, не выходят на сцену раньше полуночи. А это в свою очередь означало, что меня достаточно легко соблазнить, что нередко и случалось.

Я думал, что Элеанора – так звали мою жену; наверное, давно уже следовало упомянуть ее имя, – не знает о других моих женщинах. Но вернувшись однажды зимним днем из двухнедельной вылазки в Нью-Йорк, я обнаружил свой дом холодным и опустевшим.

Она оставила письмо, а не записку. Пятнадцать аккуратных страниц, отпечатанных на машинке, и каждое слово было правдой. Включая постскриптум:

«На самом деле ты не любишь меня. И никогда не любил.»

Я надел плотное пальто, вышел из дома и направился, куда глаза глядят, ошеломленный и слегка отупевший.

На земле не было снега, однако стоял крепкий морозец, и листья на каждом шагу хрустели по моим ногам. Черные скелеты деревьев прорисовывались на фоне жесткого, серого зимнего неба. Я шел по обочине. Мимо пролетали автомобили, торопившиеся в Лондон и из него. Я споткнулся о ветку, зарывшись в груды побуревших листьев, разодрал брюки и до крови поранил ногу.

Я дошел до следующей деревни. Здесь дорога под прямым углом пересекала реку, вдоль которой тянулась не попадавшаяся мне прежде тропинка, и я пошел по ней, глядя на не до конца замерзшую реку. Вода бурлила, плескала и пела.

Тропа повела меня в поля, прямая, заросшая травой. Не краю я нашел камешек, наполовину ушедший в землю. Я подобрал его и обтер. В руке у меня оказался оплавленный фиолетовый кусок, отливавший странным радужным блеском. Не выпуская его из пальцев, я убрал камень в карман – его прикосновение казалось мне теплым и обнадеживающим.

Река змеилась среди полей, я молча шел вперед.

Так я прошагал примерно час, и наконец заметил дома – новые, небольшие, приземистые – на насыпи, над моей головой. И в этот самый миг я заметил мост и понял, что оказался на старой железнодорожной насыпи, и приближался к мосту с другой стороны.

Мост сбоку был разрисован и расписан: рядом с «ОТВАЛИ НА ХРЕН» и «БАРРИ ЛЮБИТ СБЮЗЕН» соседствовало вездесущее «НФ» Национального фронта.

Я остановился под красной кирпичной аркой, среди брошенных оберток от мороженого, пакетиков из под чипсов, возле одинокого и печального использованного кондома, разглядывая облачко пара, выходявшего из моего рта в холодном послеполуденном воздухе.

Кровь на моих брюках наконец засохла.

Над моей головой по мосту проезжали автомобили; в одном из них громко играла музыка.

– Привет? – проговорил я с некоторым смущением, чувствуя себя дураком. – Привет?

Ответа не было. Лишь ветер перебирал пустые пакетики и листву.

– Я пришел. Я же сказал, что приду. И пришел. Привет?

Меня окружало молчание.

И я зарыдал, всхлипывая глупо, беззвучно...

К моему лицу прикоснулась рука, и я посмотрел вверх.

– Не думал, что ты придешь, – проговорил тролль. Теперь он был одного роста со мной, но в остальном не изменился. Длинные, похожие на паклю волосы не расчесаны, в них застряла листва, круглые глаза полны одиночества.

Я пожал плечами, утер лицо рукавом пальто.

– Я вернулся.

Над нами, перекрикиваясь, пробежали трое подростков.

– Я тролль, – негромко и с опаской прошептал тролль. – Фоль роль де оль роль.

Он дрожал.

Протянув руку, я взял его огромную когтистую лапищу. И, улыбнувшись, сказал.

– Все хорошо. Честно. Все в полном порядке.

Тролль кивнул.

А потом толкнул меня на землю, на листву и обертки и использованный кондом, и навалился всем телом. Поднял голову, открыл пасть и съел мою жизнь острыми и крепкими зубами.

* * *

Закончив, он встал и отряхнулся. Сунул руку в карман пальто, достал вздутый, обожженный кусочек шлака и протянул мне.

– Это твое, – сказал тролль.

Я окинул его взглядом: моя жизнь безукоризненно сидела на его плечах, – как будто он носил ее год за годом. Взяв из его руки кусок шлака, я обнюхал его и почувствовал запах поезда, с которого давным-давно свалился этот камешек. Я стиснул его волосатой лапой и сказал:

– Спасибо.

– Удачи, – пожелал мне тролль.

– Ага. Ну, ладно. И тебе тоже.

Усмехнувшись моим лицом, тролль повернулся спиной и отправился обратно – тем путем, которым я пришел, к мосту, к деревне, к пустому дому, который я оставил утром, посвистывая на ходу.

А я теперь здесь. Прячусь. Жду, став частью моста.

Из теней я наблюдаю за проходящими людьми: выгуливающими собак, разговаривающими, ведущими себя, как положено людям. Иногда они останавливаются под моим мостом – просто постоять, помочиться, заняться любовью. Я слежу за ними, но молчу. Они никогда не видят меня.

Фоль роль де оль роль.

Я намерен оставаться здесь, в темноте под аркой.

И я слышу всех вас, топающих и шагающих по моему мосту.

О да, я могу слышать вас.

Но не хочу выходить.

Нил Гейман

В таком возрасте⁸

Когда они входят в класс, Джон думает, что видит двойников. Они совершенно одинаковые: золотые и синие, волосы и глаза. Мальчик, наверное, чуть выше. Однако Джон дольше смотрит на девочку. Все смотрят на них. Они не замечают. Они привыкли. Учитель называет их имена, они вежливо улыбаются. Дейзи и Дрю. Джон думает, что глупо давать близнецам имена, начинающиеся на одну букву, как у героев старинных историй о школах-интернатах.

Алисе нравятся такие книжки. Ему, Джону, нет.

Место рядом с ним свободно, и он надеется, надеется.

Однако учитель, естественно, сажает девочку в самом конце класса, а мальчик садится возле Джона. Нового соседа окружает странный и тонкий аромат. От него пахнет, как от вазы с фруктами у него дома, когда над ней начинают роиться мушки.

Джон вздрагивает, потому что стулья вдруг задвигались и вокруг послышались громкие голоса. Урок закончился. Мальчик дружелюбно смотрит на него.

– Ты спал с открытыми глазами.

– Мне было скучно, – говорит Джон. Он больше не спит по ночам, но не хочет говорить об этом.

Джону тринадцать. Иногда он говорит, что ему шестнадцать. Иногда люди верят ему, потому что он рослый, хотя и стал в последние месяцы горбиться. Он не любит занимать много места, не любит, чтобы на него смотрели. Чтобы никто не разглядел, что у него внутри.

Он моргает. Сейчас он на спортивной площадке под лучами солнца, а этот Дрю стоит рядом и смотрит на него, как на друга. Его кожа и глаза такие чистые, что почти кажутся жемчужными, освещенными каким-то внутренним светом. Мимо проходит вереница старшеклассниц. Закончилась их перемена. Они смотрят на Дрю, коротенькие вспышки тепла пронзают металлическую сетку ограды. Ревность поражает Джона прямо в желудок. На него они так не смотрят – на его тусклые каштановые волосы и обыкновенные глаза.

Дрю говорит:

– Ну, и чем здесь можно заняться?

– Да ничем, – отвечает Джон. Он не хочет никакого приятельства.

– Хочешь к нам после школы? Никого из взрослых дома не будет.

– Брось, – отвечает Джон.

– Ладно тебе, – говорит Дрю, и Джон поживает плечами и говорит «окей», чтобы тот отвязался. Ему кажется, что это лучше, чем возвращаться домой к матери, к ее тихой печали. В последние дни он устает. Возможно, поэтому люди верят ему, когда он говорит что старше, чем на самом деле.

* * *

Дейзи ждет возле школьных ворот. А потом молча идет рядом с ними. Золотистые волосы прикрывают один ее глаз. Дрю спрашивает:

– А где здесь можно купить пива?

– Здесь за углом, – отвечает Джон. – Но они требуют показать свидетельство о рождении.

– Не беспокойся, – говорит Дрю.

Должно быть, у Дрю есть поддельное, думает Джон. Деньги у близнецов есть, это ясно. Так что Джон может заплатить и за качественную подделку.

⁸ At That Age © Catriona Ward 2020.

– Я заплачу, – говорит Дрю, как будто слышит мысли Джона. – Мы с Дейзи заплатим. Нам нетрудно.

Джон останавливается в мощеном проулке перед лавкой.

– Хорошо, – говорит он. – Иди.

– Пойду не я, – говорит Дрю. – А ты.

Джон ощущает прилив раздражения.

– Не могу, – говорит он. – Здесь нас знают, меня и маму. Я думал, что у тебя есть свидетельство или что-то вроде того.

– Нет.

– Тогда бесполезно, – говорит Джон и поворачивается, чтобы уйти.

– Подожди. – Мягкая бледная ладонь ложится на его руку. От Дейзи пахнет, как от ее брата, только более сладко, каким-то яблочным соком. – Прошу тебя, – говорит она. – У нас есть идея.

Джон останавливается. Ее ладонь как бы погружается в его плоть, но только как бы.

– Я знаю один способ, которым ты можешь воспользоваться, – говорит Дрю. – Это вроде гипноза. Или чего-то в этом роде. Ну как тот парень, который загипнотизировал целый футбольный стадион. Видел по телику?

Джону против его воли становится интересно. Он видел, как тот человек загипнотизировал забитый людьми футбольный стадион. Это было здорово. Ему нравится магия и все такое.

– Нужно только наклониться к человеку и произнести слово, тогда он сделает то, чего ты хочешь.

– Ну да...

– Понимаю, звучит глупо, – говорит Дрю. – Но все получается, клянусь.

– И что же это за слово?

Дрю шепчет ему на ухо. Но Джон никак не может вспомнить это слово. На слух это что-то вроде «*анусру*» или «*анушру*», но как-то иначе. Слово скрежетало, словно камень о камень, словно кости, отвердевающие под землей.

* * *

Дверь в лавку отворяется с приветливым звоном. Внутри пахнет камнями и прохладой, чем-то вроде стеклянных бутылок или монет. У Джона на ладонях выступает пот. По коже начинают бегать мурашки, – сразу же, как только он замечает, что за прилавком не старик, а его жена. Она вяжет и спицы словно повторяют ускорившийся ритм его сердца. *Клик, клик, клик*. Миссис Берри умеет посмотреть на тебя – так, как смотрит сейчас, поверх очков.

Тем не менее он подходит к холодильнику. Голубые с золотом банки так холодны, что прилипают к ладоням. Цвета заставляют его вспомнить о Дейзи. Он берет упаковку с шестью банками. Чего-то. Может быть пива, а может сидра. Пальцы дрожат, и он с резким звуком роняет упаковку на прилавок. Миссис Берри пристально смотрит на него.

– Свидетельство о рождении, будь любезен, – говорит она совсем не сердитым тоном. Она не рассержена, и это еще хуже. Джон видит, как ей жалко его, она думает об Алисе, и о том, как все это печально. Сердце превращается в воздушный шарик, слишком сильно надутый, готовый лопнуть.

Он наклоняется поближе к ней. Слово камешком выкатывается у него изо рта. Миссис Берри сперва моргает, потом говорит:

– Джон, ты точно в порядке?

Ужасаясь себе, он снова произносит слово, и она отодвигает от него пиво.

– Уберу его назад в холодильник, – говорит она. – А ты иди домой. – И коротко прикасается к его ладони – Я знаю, что ты сейчас переживаешь нелегкие времена. Но они пройдут, обещаю тебе. А ты должен стараться и помогать маме.

Оказавшись снаружи, Джон понимает, что дрожит от гнева. Он бежит туда, где расстался с близнецами, хватая Дрю, швыряет его о кирпичную стенку.

– Ты посмеялся надо мной! – выпаливает, он задыхаясь. – Твое слово не сработало.

В смехе Дрю звучит удивление.

– Конечно, не сработало, – говорит он. – А ты как думал? Скажи, только честно.

Мгновение Джон пристально смотрит на него, ощущая, как внутри растет какое-то чувство. Пузырь лопається, и он вдруг обнаруживает, что тоже смеется. Как он мог поверить, что существует волшебное слово, заставляющее людей делать то, что тебе нужно? Ну правда, просто смешно.

– Что ж, идем к вам, – говорит он.

Улыбка, подобно заре, медленно расцветает на лице Дейзи.

* * *

Дом Дейзи и Дрю находится в новом районе на другом конце города. Они идут медленно и разговаривают.

– А у тебя есть сестра, Джон? – спрашивает Дейзи...

– Двойняшка, – отвечает Джон. Он не настроен сейчас вдаваться в подробности насчет Алисы. – Она ходит в другую школу.

В районе, где живут Дрю и Дейзи, все дома одинаковые: высокие, чистые и безликие. На них не давит бремя печали, потому что здесь ничего еще не происходило. Хорошо бы жить здесь вместе с мамой, думает Джон, а не на узкой серой террасе, полной воспоминаний об утратах.

Мама беспокоит его. Он, Джон, днем ходит в школу, а она просто сидит.

Они останавливаются возле белого дома, ничем не отличающегося от соседних белых домов, и всех остальных домов в округе.

Дрю открывает калитку, и они идут через сад по дорожке, такой новой, что кристаллики в плитке еще поблескивают под лучами полуденного солнца.

Стол за входной дверью завален грубой писем и счетов.

– Вау! – восклицает Джон.

– Остались от предыдущих владельцев, – говорит Дейзи, подталкивая его вперед. – Они не оставили нам новый адрес. Наверное, все эти бумаги придется просто выбросить.

Гостиная похожа на большую и прохладную пещеру. Открытая планировка, как сказала бы его мама. Все в ней белое или сверкает.

Дейзи включает музыку, которая звучит из динамиков, скрытых в стенах. Дрю подает Джону настоящее мартини в бокале, совсем как в фильме про Джеймса Бонда. Первый глоток обжигает рот, но потом все начинает казаться восхитительным.

– А теперь давайте устроим вечеринку, – говорит Дрю.

– Ага, давайте! – говорит Дейзи.

Джон смеется, потому что... а что, разве нельзя? Вечеринка – вдруг, ни с того, ни с сего.

– А что скажут ваши родители?

– Эстер нет дома, – говорит Дейзи, – но она возражать не будет.

Дрю достает телефон и начинает обзванивать друзей. Через несколько минут звонит дверной звонок и за дверь появляются дети. Джон никого из них не знает. Должно быть, они учатся в других школах.

Звонки повторяются, и скоро вся гостиная наполняется подростками. У каждого настоящего белые зубы, на девочках удивительные платья, похожие на облачка, и цветные венки, и у всех босые ноги.

Джон вдруг обнаруживает, что занят беседой с серьезным мальчиком в черном костюме, его зовут Эдмонд. Он в очках, длинные темные волосы зачесаны набок. Но Джон все равно замечает под ними шрам. Длинный, зловещий.

– Откуда у тебя это? – спрашивает он, понимая, что такие личные вопросы задавать не принято, однако он чувствует такое расположение к Эдмонду, к его милому лицу и нервным глазам.

Эдмонд тянет себя за волосы.

– Это случилось давно, – говорит он. – Кажется, годы и годы назад.

– Когда ты был еще младенцем?

– Примерно, – говорит Эдмонд, и вдруг бледнеет в неярком свете. – Забыл отдать им мои письма. – Он исчезает. Джон пожимает плечами и углубляется в толпу гостей. Музыка становится громче, яркие отблески скользят по белым стенам. Голубые, розовые, золотые. Красота. Джон чувствует себя лучше, чем во все последние месяцы. Выпивка не замедлила его движений, взбодрила его, зажгла. В руке у него снова полный бокал. Он не помнит, как он попал к нему в руку. Дрю и Дейзи отличные ребята, думает он. Лучше, чем он ожидал.

Окружавший их обоих странный запах будто бы исчез.

* * *

Когда Джон возвращается домой, его мать как всегда сидит за кухонным столом и смотрит в никуда.

– Мам, – произносит он негромко. Она не отвечает. Только барабанит пальцами. На поверхности стола уже появились небольшие отметины – там, где она барабанит весь день.

Он поднимается к себе в комнату. В распахнутую настежь дверь проникает свет уличного фонаря. Он думает о соседней, пустой комнате, в которую они никогда не заходят. Он почти чувствует ее... Алису, лежащую в темноте за стеной. С жгучей завистью думает о Дрю и Дейзи, о том, как непринужденно и классно они выглядят, об их невозмутимой матери, которая позволяет им устраивать вечеринки, об их белом доме, за дверями которого не скрываются привидения.

* * *

На следующий день в школе Дрю сидит рядом с ним, сплошные улыбки и идеальная кожа.

– Не хочешь зайти к нам сегодня вечером на обед? – спрашивает он.

– А что скажут твои родители?

– Эстер ничего не скажет, – говорит Дрю.

И Джон говорит «да». Он благодарен за то, что сегодня ему не придется возвращаться домой, доставать из морозильника рыбные палочки. Он пытается приготовить их по-другому, и получается нечто ужасное на вкус. Ему приходится уговаривать маму проглотить несколько подгоревших кусочков.

– А какой у вас адрес? – спрашивает он Дрю. – У меня сегодня футбольная тренировка. Дрю смотрит на него пустыми глазами.

– Ой, не думай об этом, – говорит он. – Мы тебя подождем. И вместе дойдем до дома.

– Но вам же это неудобно, – удивляется Джон.

– Нам все равно.

На мгновение Джон удивляется тому, что Дрю не знает собственного адреса. Но эта мысль скоро исчезает. Когда в последний раз он был счастлив?

* * *

Дейзи готовит. Такие блюда, о которых Джон только читал в старых книгах: фаршированный кабачок и бисквит со взбитыми сливками. А он даже не знает, что кабачки продаются. Он съедает все, что ему предлагают.

– А где ваши родители? – спрашивает он.

– У нас есть только Эстер, – говорит Дейзи. – Она вроде как усыновила нас.

– А Эстер дома? – спрашивает Джон, начиная нервничать. Он не ладит с родителями. Всегда ляпнет в разговоре с ними что-нибудь странное.

– Да, – говорит Дрю. – Но сейчас она спит. Так, Дейзи?

Дейзи кивает. Джон ощущает тепло симпатии. Он знает, что это такое – жить с матерью, которая все время спит. У них много общего – у него и близнецов.

– А ты с кем живешь, Джон? – вежливо спрашивает Дейзи.

– Вдвоем с мамой, – отвечает Джон. – Папа нас бросил.

Почему-то ему не больно произносить эти слова здесь, с животом, набитым бисквитом.

– Как это печально, – говорит Дейзи. – Но я так рада, что мы познакомились. По-моему, друзья – это очень важно.

– Простите что я нагрубил при первой встрече, – порывисто произносит Джон. – Наверное, вы напомнили мне о моей сестре, Алисе, до того, как случилось это несчастье... Ну, когда я увидел вас вместе.

Дрю смотрит на Дейзи и переспрашивает:

– Несчастье?

– Да. – Слезы набегают на глаза Джона в первый раз после того, как это случилось. – Теперь мне все время кажется, что от меня осталась половина. Глупо, правда?

Дейзи тихо говорит:

– Значит, твоя двойняшка мертва, Джон?

– Да, – говорит он.

– Наверное, я не поняла этого, – говорит Дейзи, – потому что ты до сих пор не отпустил ее. Сверху доносится глухой удар, потом стон, будто кто-то выпал из кровати на голые доски.

– Что это? – спрашивает Джон.

– Не знаю, – говорит Дейзи. – Наверное, кошки на крыше подрались. Дрю, сходи посмотри, что там.

Что-то движется наверху над их головами. Что-то тяжелое влачится к лестнице. Стон повторяется, глухой, наполненный болью.

– Боже мой, – говорит Дрю. – Уже поздно, Джон, тебе пора домой.

Джон говорит «гудбай» и Дейзи повторяет «до свидания». Она как всегда вежлива, но словно прислушивается к тому, чего Джон не может слышать.

Проходя через прихожую, Джон быстро перебирает письма, грудой лежащие на столе. Их, должно быть, сотни две, и все адресованы разным людям в разные места страны. Ему попадает конверт, адресованный Эдмонду Буккеру, Галифакс. Это никак не может быть тот самый Эдмонд, с которым он познакомился на вечеринке: до Галифакса отсюда сотни миль. Однако Джону становится не по себе. Он торопливо выходит из дома. Ступает на искрящуюся в фиолетовых сумерках гранитную дорожку. Тихая ночь разносит доносящееся из дома звуки. Тот, кто стонал, теперь рыдает, может быть, молит о чем-то. Дрю отвечает на эти звуки. Во всяком случае сперва голос как будто бы принадлежит Дрю. Потом Джон уже не так уверен в этом. Голос этот принадлежит дряхлому, древнему старцу.

– Пусть живет, – говорит он. – Убирайся назад в свою дыру.

* * *

Джон возвращается домой. Мать сидит в кухне, свет уличных фонарей бросает тени на ее спокойное лицо. Джон поднимается по лестнице, останавливается на площадке перед дверью Алисы. Спустя мгновение открывает ее, входит в комнату. Здесь слишком жарко и душно, спертый воздух пропитан пылью.

Он включает свет, подходит к книжной полке Алисы, берет книжку в яркой обложке с картинкой, на которой пятеро улыбающихся детей и собака⁹. Любимые книжки Алисы; рассказы о том, как школьники пятидесятых годов двадцатого века попадают в чрезвычайные ситуации, переживают увлекательные приключения среди контрабандистов, грабителей и неизвестных островов. Он открывает книгу, читает и вскоре находит место, которое ищет.

– *Ей богу*, – сказал Гарри. – *Есть просто кнут, а есть кнут и пряник.*

* * *

На следующий день, на уроке истории, место рядом с Джоном остается пустым. Повернув голову он видит свободное место и в последнем ряду, похожее на выпавший зуб. Дейзи тоже нет в школе. Джон ощущает нечто – конечно же не разочарование?.. И вдруг наполняется энергией. Это означает, что происходит что-то интересное. Кстати, откуда вообще появилась эта парочка? Сегодня он не дремлет на уроках. В голове роятся мысли о путешествии во времени, а может быть, даже о вампирах.

Звучит последний звонок, и лямка рюкзака уже переброшена через плечо Джона. Он бежит по тенистым улицам к новым белым домам. Он не знает, что скажет, однако полон решимости. Они делают что-то плохое, в этом он уверен. Он почти не сомневается, что они держат кого-то наверху под замком. Узницу. Быть может, свою мать, Эстер.

Джон подозревает, что совершает опасный поступок, однако какое облегчение хоть что-то чувствовать, даже страх!

Он сворачивает в проулок, где начинаются эти дома... Бледные и высокие, они тянутся к летнему небу. С каждым шагом его решимость тает. Их дом был вторым или третьим слева после дома с тисом в саду? Все дома здесь похожи. И ни одной живой души. Большинство домов пустует, за окнами видны только голые деревянные полы, и больше ничего. Ни у одного дома нет номера на воротах. Да он и не знает номера. Когда на краю неба появляются первые звезды, Джон понимает, что заблудился между пустых белых домов.

Наконец он находит нужный – по музыке. Бледные розовые и голубые огоньки скользят в окнах, дом будто пульсирует в такт. У близнецов снова вечеринка. Что ж, думает Джон, теперь им не отговориться тем, что они больны. Джон чувствует, что его ноги и сердце спешат следуя музыке.

Он толкает входную дверь. Она открывается. Он торопливо ныряет в шкаф под лестницей. Здесь темно, но безопаснее, чем среди вращающихся огоньков. Мокрая швабра щекочет руку, вселяя уверенность реальностью прикосновения. Он смотрит в замочную скважину. Похоже, вечеринка в разгаре. Фигуры гостей раскачиваются в пронизанном вспышками воздухе. Однако сейчас веселья заметно меньше, чем на той, первой, вечеринке, на которой он побывал. Теплый свет и выпивка помешали ему кое-что заметить. Среди этих подростков много увечных или покрытых заметными шрамами. У одного парня не хватает руки. Они

⁹ Имеется в виду «Великолепная пятерка» – серия детских детективных книг английской писательницы Энид Блайтон.

выпивают и танцуют, но никто ни с кем не разговаривает. И не из-за застенчивости – скорее потому, что они слишком хорошо знают друг друга. Некоторые одеты очень странно. На одной девочке пышная старомодная ночная рубашка. Светловолосый мальчик одет в костюм-тройку. На ногах у другого – чулки, на башмаках поблескивают крупные пряжки.

Музыка стихает, зажигается свет. Джон думает: *они обнаружили, что я здесь*, и прерывисто дышит. Однако всеобщее внимание обращено к Дрю, который стоит посреди комнаты.

– Пора, – говорит он.

– Сколько? – спрашивает невысокая девочка в переливающимся платье.

– Сегодня четверо.

Дети понуро склоняют головы, кто-то всхлипывает, но никто не убегает.

– Решайте, – говорит Дрю, – или я выберу сам.

Никто не шевелится, он идет по кругу и вытаскивает из него четверых.

– Сама напросилась, – бросает он маленькой девочке в белом платье, тут же залившейся слезами.

Четверо выбранных повесив головы вереницей направляются к лестнице. Поднимаются медленно и один за другим исчезают.

– Продолжаем веселиться! – кричит Дрю. – Боже, это все-таки вечеринка!

Снова гремит музыка, и вопреки тому, что только что произошло, сердце Джона начинает стучать в такт.

– Так вот они и уловляют нас, – говорит Эдмонд. – Вечеринками.

Он стоит в буфете рядом с Джоном.

– Если ты хотя бы раз побывал здесь, то вернешься, и не важно, где и когда это было. Время для них ничего не значит. Прошлое, будущее... Ты все равно придешь. Чтобы наполнить комнату. Иногда я прячусь, когда наступает время выбора. Не знал, что это и тебе пришло в голову.

– А что Дрю сделает с ними наверху? – спрашивает Джон. Ему тошно. Он о таком слышал. О том как бандиты заманивают подростков, приручают их. А потом происходят скверные, скверные вещи.

– Ее тело состарилось и теперь быстро изнашивается, – говорит Эдмонд. – Поэтому ей нужны близнецы. Второго можно использовать на запчасти. Мой брат вызвался сам. Она его уже использовала.

Эдмонд убирает прядь волос в сторону, и Джон видит, что у него нет правого глаза. Эдмонд водит пальцами по тому месту, где находился глаз.

– А где Дейзи? – шепчет Джон. Он не видит ее среди участников вечеринки, но надеется, что ее не забрали наверх. Он боится за нее.

– Ну, столько времени прошло, от Дейзи осталось немного, – говорит Эдмонд.

– Ты говоришь что-то странное, – произносит испуганный Джон.

– Для Эстер тела подобны домам, – отвечает Эдмонд. – Она выбирает то, что понравилось, и пользуется им, пока оно совсем не разрушится.

Джон хочет, чтобы Эдмонд перестал говорить эти безумные вещи, и поэтому изо всех сил толкает его. Но Эдмонд не замечает. Он смотрит мимо Джона – на Дрю, который стоит в открытой двери шкафа, его золотые волосы зализаны назад, как у героев старых фильмов. Джон видит, что у Дрю нет одного уха.

– Я надеялся, что ты вернешься, – говорит Дрю Джону. – Я убедил ее, что ты ей не нужен. Даже дал ей кое-что, чтобы она о тебе забыла.

– А сейчас ты скажешь мне, что здесь происходит, – говорит Джон, цепляясь за последние осколки надежды, что все это ошибка, путаница, что он напился, сошел с ума, или видит сон.

– То же, что и всегда, – терпеливо объясняет Дрю. – Они всегда забирали детей. Людям удобно думать, что они их обменивали. Про подменьшей слышал, наверное? Обычно они держали детей внутри холмов. Но с тех пор они изменились.

Весь гнев Джон переливается в одно раскаленное русло. Он понимает, что над ним смеются. Как тогда, перед дешевой лавкой. Все, что копилось в нем после смерти Алисы, вскипает в глубинах души, выплескивается через край.

– Думаешь, я поверю в этот вздор? – он с размаха бьет Дрю в лицо. И слышит, но не чувствует, треск, с которым его костяшки врезаются в хрящ. Нос Дрю взрывается красным туманом. Дрю падает на пол. Джон не видит Дейзи, пока ее ладони не ложатся ему на шею. Звезды расцветают, затуманивая зрение.

– Он один заступился за тебя, – шипит Дейзи на ухо Джону. – Он изменил Эстер, пытаюсь помочь тебе убраться отсюда. Ты должен на коленях благодарить его, а вместо этого ты разбил ему нос!

– Ну вот, вы все сделали сами, – говорит Эдмонд, прикрывая прядью волос впадину на месте глаза и медленно отступая внутрь гардероба.

Дрю смотрит на Джона древними голубыми глазами. Джон удивляется себе самому: как мог он считать этих двоих своими ровесниками.

– Старина, я пытался вытащить тебя из этого дела, – говорит Дрю. – Ты больше не близнец и потому не можешь быть полезным. Ты мог бы прожить долгую жизнь. Но она уже выбралась из своей норы.

Раздается скрежет, похожий на скрежет камня о камень. Меркнет свет, стихает музыка. Дети разбегаются по углам. Комнату заполняет зеленоватый свет. Джон видит, как движутся стены. Они стонут от боли, когда сквозь них прорастают новые ветви. На ветвях с мучительной болью вырастают нежные листья, затем они темнеют, становятся стеклянными, скручиваются и бурют. Ветвь боярышника тянется в воздухе, взрывается белыми лепестками. Все вокруг покрывается почками, растет, увядает и умирает. Время бурлит и вскипает с головокружительной скоростью.

– Беги, – он поворачивается к Дейзи. Однако с ней уже происходит что-то странное. Лицо Дейзи превратилось в дыру, полную детей. Она похожа на луковицу, состоящую из слоев времени. Она старше всех на свете. Она вырезана из дерева, она похожа на женщину, запертую в стволе дерева и кричащую. А потом она становится сестрой Джона Алисой, очаровательной в том белом платье, в котором ее положили в гроб.

Лианы змеями скользят по полу, оплетают ножки мебели, покрываются липкой листвой. Они текут в сторону Дейзи, она подхватывает их руками, гладит словно щенков, воркует над ними тоненьким голосом. А потом они хватают своими тонкими пальцами Дрю.

– Не сопротивляйся, – шепчет Дейзи. Но Дрю сопротивляется. Он срывает с себя лианы и выкрикивает какое-то слово, что-то вроде «мокша». Дейзи отступает. Ее зеленые пальцы слабеют, но всего на мгновение, а затем обхватывает его удушающей хваткой. Она берет его за руку, пока мох затягивает живой зеленью его лицо.

– Прости, – говорит тварь, которая только что была Дейзи.

– Нет! – отвечает Дрю. – Прошу тебя! – Ее пальцы проникают ему в рот, в горло, потом глубже.

Вскоре все уже кончено.

Эстер встает. Тело Дейзи сидит на ней с присущей животному грацией.

– Пусть это станет уроком для всех вас, – говорит она. – Не испытывайте меня. А теперь я удаляюсь вверх со своим новым другом Джоном. Он не годен на починку, но на кое-что, думаю сгодится. В конце концов, он в долгу передо мной за брата. Пойдем, Джон.

И они поднимаются вверх рука об руку. Эстер волочит за собой труп Дрю, его голова сухо постукивает о ступени.

* * *

Джон открывает входную дверь. Его мать сидит за столом. Лунный свет играет на ее волосах, снова потемневших, перехваченных серебряной диадемой. Кухню наполняют доносящиеся из сада ароматы цветущих олеандров и глициний. У ее ног плещется пруд. Повинуясь его взгляду, медленно раскрываются водяные лилии. Золотая рыбка целует водную гладь, и уходит в глубину. Светлячок пролетает мимо носа. Джон видит его – там где все время сидела его мама.

Мать поворачивается к нему, улыбается и говорит:

– Как красиво!

– Да, – соглашается он, – очаровательно, мам.

И берет ее за руку.

Эстер первым делом забрала разум его матери. Это произошло еще до того, как он познакомился с Дейзи и Дрю. В ее действиях есть определенный порядок. Первым делом она устраняет родителей. Он думает обо всех других отцах и матерях, одиноко сидящих в ночных садах, заточенных в своем времени и месте. С тех пор, как существуют люди, существует и Эстер. Интересно, а как выглядела настоящая Дейзи? Он не сомневается, что какая-то ее часть присутствует в теле Эстер, так же, как что-то от Джона сохраняется в его теле. Но Дрю нет. Дрю мертв. А Джон не хочет умирать.

Джон собирает письма и счета, скопившиеся на столе в прихожей. Он отнесет их Эстер, и на все письма будет дан ответ, все счета будут оплачены, никто не потревожит его мать, сидящую в ее ночном саду. Он оглядывается по сторонам, прощается с домом. Он не скоро вернется сюда.

Задержавшись на мгновение перед зеркалом в прихожей, он разглаживает свои блестящие светлые волосы. Даже в лунном свете заметна густая идеальная синева его глаз. Пора идти. Его ждет большой день.

Завтра он открывает свою новую школу. Джон аккуратно закрывает за собой входную дверь.

Катриона Уорд

Слушай¹⁰

Они всегда заранее знали, когда она появится. Эррин не понимала, как это получается, однако в последние дни многое в ее жизни казалось ей неясным.

Помогите им боги, они, кажется, *предвкусали*. Добравшись до окраины самого нового селения, Эррин заметила стайку ребятишек, сидевших на длинном извилистом заборе, лица их светились от любопытства. И когда она приблизилась, поднимая оранжевые облачка пыли на длинной дороге, они начали выкрикивать пронзительные вопросы. Откуда она? Что будет играть? А может она сыграть песню, которую они попросят?

Эррин вежливо кивала, но отвечала немногословно. К сожалению, они и так скоро услышат ее песню. Она последовала за детьми, и те отвели ее к большому, похожему на холм зданию из камня и глины, с множеством маленьких квадратных окошек, почти не отличавшихся от обычных дыр в стене. Макушка холма поросла зеленой травой и цветами, тонкая струйка серого дыма, поднималась из невидимого дымохода.

Эррин была уже совершенно уверена в том, что не видела ничего похожего, однако оказавшись внутри, поняла, что попала в очередную таверну, как близнец похожую на любое их тех питейное заведение, в которых ей приходилось бывать. Запах пива, дымный мерцающий очаг...

– Так ты и есть исполнительница, – приветливо проговорила хозяйка таверны. – Издалека пришла?

Эррин предпочла не заметить вопрос. Ответа они никогда не понимали.

– Да, я исполнительница, – согласилась она. – Будете ли вы меня слушать?

Спрашивая, она всякий раз крохотной частицей своего существа надеялась услышать «нет», однако до сих пор отказа ей слышать не приходилось. Конечно, будут. Хозяйка просияла еще ярче, скрестила руки под внушительной грудью.

– Будем рады услышать тебя, – ответила она. – У нас тут развлечений немного. Соберется почти вся деревня, милочка, не сомневайся. Устроить тебя у огня? Сколько места тебе нужно?

– Немного, у меня только несколько свирелей. Но нельзя ли сначала получить немного еды?

Она научилась договариваться о еде заранее, до игры. Трудно было противостоять порыву, потребности играть. Нужда горячей и сухой иглой засела в затылке, томила пальцы, но если очень постараться, она сумеет вытерпеть примерно час. Хозяйка таверны подала ей горячий луковый суп, большой ломоть свежего хлеба и, к восторгу Эррин, целую кружку настоящего на ягодах рома, остро напомнившего ей о далеком доме. Но вскоре ее пальцы начало покалывать, а шею охватило удушливым жаром, словно тонкие ладони сомкнулись на горле. Отставив миску и кружку, она полезла в дорожный мешок за свирелью.

Пока она ела, таверна постепенно наполнилась завсегдатаями, все места были заняты, и тем, кто пришел последним, пришлось стоять... Все глаза были обращены к ней. Вид свирелей никого не удивил, но так бывало всегда. Эррин гадала, пытаются ли они понять, из чего сделаны флейты – из светлого дерева, из глины? А может, они знают, но им все равно.

Не глядя на собравшихся мужчин, женщин – и детей, благие боги, помогите, – она припала ртом к концам дудок и набрала воздуха в грудь.

¹⁰ Listen © Jen Williams 2020.

* * *

Когда она уходила, под розовеющими серыми небесами начинался рассвет, но жизнь и тепло, казалось, оставили деревню. Эррин спешила к воротам, опустив голову, стараясь слышать лишь собственные шаги по пыльной земле, но где-то неподалеку рыдал мужчина, его голос был полон отчаяния, а потом, уже выходя за ворота она услышала сердитый крик и стон, прозвучавший в ответ.

Но это ничего не значило. Ноги уже несли ее к следующей цели, и она не смогла бы остановиться, даже если бы захотела.

* * *

Следующее селение было побольше, дома теснились на берегу реки. Где-то на своем долгом пути Эррин пересекла границу – вдоль нее стояли деревянные знаки, разрисованные символами, показавшимися ей смутно знакомыми.

Селение оказалось процветающим. Перед ней высилась крепкая стена из красного кирпича, у берега широкой реки качались на волнах многочисленные лодочки. Уже наступили сумерки, но оживленная торговля продолжалась. На рынок несли корзины с рыбой, мешки с мотками шерсти. Таверны не было видно, но Эррин не сомневалась, что она должна быть, и направилась на небольшую рыночную площадь, следуя за запахом речной рыбы. Она шла долго, но никого не встретила на пути. Потребность играть одолевала ее. Сегодня у нее не будет пищи, не будет отдыха.

Когда она нашла пригодную для выступления площадку, заходящее солнце окрасило небо в цвет апельсиновой корки. Просторный квадрат утоптанной земли окружали шесты с яркими флажками; посреди него невысокий жилистый человек, стоя на табурете, жонглировал несколькими деревянными кеглями. За процессом с одинаковым выражением скуки на физиономиях лениво следила пара грязных мальчишек.

– Нельзя ли одолжить у тебя табурет, приятель? – спросила Эррин. Человек с возмущением поймал свои кегли и сошел на землю.

– Табурет не мой, – проговорил он и добавил: – Сегодня тебя никто не станет слушать, девица. Не время для развлечений. Все сейчас на пристани, занимаются торговлей.

Эррин кивнула, но все равно села. И уже через несколько мгновений к неряшливым ребятишкам присоединилось какое-то семейство, и трое мужчин, одетых, как подобает стражникам. Прошло еще несколько минут, и начала собираться толпа: женщины в грязных фартуках, молодые девушки в красных шапочках, под которые убраны волосы, старики с мозолистыми руками. Эррин наблюдала, не удивляясь. Все как обычно. Куда бы она ни пришла, слушатели всегда соберутся вокруг нее.

Не обращая внимания на урчание в животе, она достала из мешка свирели и сразу приложила их к губам. Она не хотела смотреть на этих людей, не хотела заранее представлять себе какими они их лица станут потом. От легкого... легчайшего дуновения над площадью поплыли низкие навязчивые звуки. Негромкие голоса слушателей сразу же стихли, на площади воцарилось необъяснимое молчание, нарушаемое лишь певучими звуками флейты Эррин.

Музыка окрепла, стала более сложной – загадочной филигранью звуков, которые вряд ли могло родить дыхание одной-единственной женщины – и тишина превратилась в дыхание тени. Небо еще только начинало темнеть, но лужицы тьмы начали собираться у ног ее слушателей, выступая из-под земли, словно нефть. Люди пока не замечали этого – слишком внимательно они ее слушали. На их лицах был тихий замороженный покой, как будто они не понимали, что слышат.

Пальцы Эррин порхали по дырочкам флейт, извлекая новые, еще более темные звуки. За спинами людей, где-то на краю толпы заплакал младенец.

– Что происходит? – заговорили в толпе, однако голоса казались хриплыми и неразборчивыми, как будто люди только что очнулись от глубокого сна. Тени вокруг ног собравшихся стали сливаться в нечто единое, становясь подобием широкой и темной сцены, разделившей зрителей и Эррин. Она не любила смотреть на это – на слишком плоскую, неестественную тьму под добрым, солнечным небом.

И тут появилась первая из фигур. На ровной черной сцене вздулся пузырь, надулся и лопнул, выпустив наружу аккуратную точеную головку. Откинув назад длинную гривку, она подняла голову к небу так, будто стосковалась по нему, тонкие губы шевельнулись, открывая мелкие желтоватые зубы. Кожа ее была серой, а в глазницах не было глаз.

– Что... что это? – раздался голос в толпе, пытаясь прорвать окутавшее всех безмолвие, прозвучал и умолк. Девочка полностью восстала из тьмы, и начала пляску, двигая руками в такт музыке, кружа на месте. Танец ее казался детским, и Эррин подумала, что при жизни ей было не более девяти. Одетая она была в мрачный бурый наряд, однако ноги переступали быстро, и Эррин подумала, что танец доставляет восставшей удовольствие – она утешала себя этой мыслью, особенно когда ночь бывала безнадежно темна.

– Лизбет? – тряхнув соломенными с рыжиной волосами, женщина пробилась вперед и рухнула на колени. – Боги, помогите. *Лизбет?*

Но музыка играла, и из черноты уже восставала другая фигура. На сей раз быстрее, как будто она хотела как можно скорее вырваться из тени. Это был старик, такой изнуренный и тощий, что даже Эррин была потрясена, хотя повидать ей пришлось немало. Кости распирали изнутри кожу, более темную, чем у девочки, а распухшие колени казались слишком крупными для палочек, которые они соединяли. Как и у девочки, на месте глаз чернели пустые глазницы. Старик тоже принялся плясать – оперев руки в бока, задрал подбородок. Женщина, остановившаяся у края сцены, шагнула вперед, протянула руки к пляшущей девочке, но не смела прикоснуться к разделявшей их сцене.

– Лизбет, моя милая! Что... Что происходит? Неужели, ты вернулась к нам?

Девочка остановилась внезапно, как будто ее ударили. Она опустила руки и повернувшись к толпе, впервые посмотрела на нее – то есть, повернула к людям лицо, ведь у нее не было глаз, чтобы смотреть.

Пальцы Эррин порхали по флейтам, музыка лилась и лилась, не умолкая.

– Мама. – Послышался голос, слабый и хрупкий, принесенный далеким ветром или полетом фантазии. – Я любила лазить?

Женщина опустила руки. Мертвый старик за спиной девочки все еще выделял коленца, скалясь в небо, обнажая крупные зубы.

– Я... нет, моя милая. Ты любила сидеть со своим куклами, разговаривать с ними. Ты не любила пачкать платъице. – Голос женщины дрогнул, и Эррин заметила струйки слез на ее щеках. – Ты была милой девочкой, моим цветочком.

– Тогда как же я оказалась на той стене, мама? Как я вообще оказалась на такой высоте? – Она чуть повернула голову, как бы обращаясь стройному светловолосому блондину, стоявшему возле ее матери. Парень словно оцепенел, все краски оставили его лицо. – Быть может, тебе следует расспросить Виллема.

Лицо женщины исказилось, она повернулась к парню, а девочка уже снова плясала, взмахивая тонкими серыми руками. Из тьмы уже поднимались другие фигуры, их безглазые лица, обращенные вверх, приветствовали вечернее небо. Охваченная отчаянием толпа начала подвывать, словно дети в плену кошмара.

Вперед протиснулся рослый широкоплечий мужчина, с недовольным небритым лицом.

– Что здесь происходит? – рявкнул он, ткнув мясистым пальцем в сторону Эррин. – Что за дрянь ты творишь с помощью этой... этой мерзости?

Опустив голову ниже, Эррин продолжала играть. Но тощий старик, который вышел из тьмы следом за Лизбет, повернулся к говорившему.

– Мерзость, говоришь? Не тебе, Сэмюэль, произносить такие слова. Очень громкие слова.

Мужчина – Сэмюэль, поняла Эррин – стиснул кулаки, его лицо налилось кровью.

– Молчать! Откуда ты вообще взялся?..

– Вот мой мальчик, мой Сэмюэль, – Тощий мертвец поднял руки с растопыренными пальцами, словно обращаясь сразу ко всем зрителям.

– Когда я заболел и слег, у меня не было сил ходить, и даже есть я сам не мог. Он запер меня в чулане и не кормил. Мне пришлось ходить я под себя, пока я не умер от голода, в грязи.

Серые губы раздвинулись в гримасе, которая, подумала Эррин, должна была изображать улыбку.

– Добрый и храбрый Сэмюэль, все твои добросердечные соседи приносили тебе для меня похлебку, картошку и хлеб. Но ты сам их съедал. Да, съедал. И когда мои крики стали слишком надоедать тебя, ты порвал какую-то тряпку и заткнул ею уши. Так скажите, добрые люди, кто из нас двоих здесь настоящая мерзость?

Гневный ропот пробежал по толпе.

Но зрелище не кончалось. Новые мертвецы, мужчины, женщины и дети, поднимались из тьмы, и каждый открывал мучительный секрет, сокрушительную тайну. Толпа – их родственники, друзья – не могла разойтись, пока не выговорится каждый из усопших. Эррин играла всю долгую ночь, ее пальцы и грудь болели, ноги и руки окоченели, и наконец темная сцена выпустила последнего призрака, и все они разом начали бледнеть под лучами восходящего солнца. Но для живых представление не окончилось: начались драки, чередовавшиеся с крикливыми перебранками и слезливыми признаниями, она услышала с полдюжины клятв об отмщении.

Закончив играть, Эррин поднялась, скривилась от потока крови, прихлынувшего к онемевшим ногам и ступням, и забросила флейту в дорожный мешок. Пора было двигаться дальше.

* * *

Идти до следующего селения предстояло несколько дней. По пути она набрела на полянку в лесу, где можно было остановиться. Дрожь от усталости, Эррин разожгла огонь из подвернувшихся под руку сучьев... Костерок задымил, небольшого пламени хватило, чтобы согреть воды и получить небольшую кружку горячего питья. В мешке лежало несколько ломтей сушеного мяса. Чтобы размягчить их, она опустила их в воду. А потом бездумно сидела, глядя прямо перед собой. Спустя некоторое время на тенистой прогалине стало светлее. Неяркие желтые искорки света и тепла поплыли вниз с верхушек деревьев на землю, прикрытую опавшей листвой.

Эррин на миг зажмурила глаза.

– Нет. Оставь меня в покое. Разве тебе мало того, что ты уже сделала со мной?

Свет становился ярче, искорки лихорадочно метались, и наконец из их облака появилась фигура женщины, высокой и прекрасной. Ее кожа зеленела, как весенняя листва, а на лбу была пара витых рожек.

– Хотелось самой посмотреть, как ты поживаешь, Эррин.

– Как всегда. Обхожу селения, играю местным жителям, а они страдают. Страдают и причиняют друг другу боль, из-за того, что я показала им...

– ...присущие человеку мелкие пакости и жестокость. – Рогатая женщина удовлетворенно кивнула. – Согласись, их слишком много, правда? И как ты себя чувствуешь, когда видишь, что творят эти люди? Нормальные, обыкновенные люди?

Эррин не ответила, опустила голову, глядя на свои руки.

– Покажи мне их, – внезапно сказала рогатая женщина более серьезным тоном. Эррин, не способная ослушаться, как и взлететь пташкой в небо, достала флейту из мешка и протянула зеленой женщине. Женщина шагнула вперед, чтобы взять ее, но передумала, отшатнулась, как животное после удара, и, невзирая на гнев, Эррин снова почувствовала стыда.

– Мне жаль, – сказала она.

– Жаль? На что мне твоя жалость? – Женщина качнула головой, и Эррин снова убрала флейту. – Тебе не нужно было мясо, охотница. В тот день уж точно. Твой заплечный мешок был полон.

– Я знаю. – Они говорили это друг другу уже много раз. – Но я никогда не видела такого прекрасного оленя. И не смогла не убить его.

– Значит, стоит тебе увидеть прекрасное существо, и ты его убиваешь. – Рогатая женщина посмотрела на нее, и глаза ее, желтые, как незрелое яблоко, стали почти белыми от гнева. – Я покажу тебе, смертная, что такое смерть. И что такое жестокость.

– Тогда убей меня. – Эррин заставила себя встретить яростный взгляд рогатой женщины. Она хотела встать, посмотреть ей в глаза, но, боялась, что ноги, утомленные долгой дорогой, подведут ее. – И закончим эту историю.

– Я не убью тебя. – Помедлив, рогатая женщина повторила старое проклятие: – *Мертвецы будут плясать везде, куда ты придешь, а живые не смогу причинить тебе вред.* Я не могу убить тебя, Эррин Меткая, даже если захочу.

– Но ты же не смертная! – Эррин вскочила на ноги, опрокинув чашку с горячей водой. – Ты богиня! Ты можешь все, что угодно.

– Я всего лишь лесной дух, охотница. Да, я всегда буду больше, чем человек, но я не бесстрашная богиня. – Резким движением она указала на мешок Эррин, где лежала флейта. – Говоришь, мой брат умер легко? Это правда? Стрела вошла прямо в сердце.

Эррин нечего было сказать. Рогатая женщина отошла и растворилась в мягких сгущающихся сумерках, свет померк.

* * *

Дни слипались в месяцы. Луна полнела, худела, полнела, худела, снова, снова и снова, времена года потеряли всякий смысл, зима вваливалась в лето, весна запрыгивала на лето, и все повторялось снова. Эррин шла, шла, и мир вокруг менялся, но кожа ее оставалась гладкой, а члены сильными. Боль не оставляла ее, глубокая, знакомая, смешанная с утомлением от работы, боль, которую она помнила с тех пор, когда была охотницей – боль не от болезни или старости.

Живые не могли прикоснуться к ней. И жизнь тоже.

А мир менялся. Эррин проходила мимо брошенных полей брани, доспехи на которых не успели заржаветь, а вороны все еще находили жирный кусок. Призраки, восстававшие в селениях рядом с такими местами, бахвалились и бранились, их души переполняли ярость и чувство несправедливости. Дома стали расти, становились все более прекрасными; она видела башни, пронзавшие небо тонкими шпилями, и просторные арены, на которых мужчины и женщины соревновались в езде на колесницах. Дикие леса и скалы уступали место возделанным полям и садам, а встречавшиеся ей люди были одеты в яркие разноцветные одежды, в тонкие вышитые шелка, драгоценные камни и металлы украшали их пальцы и груди. Менялось и ору-

жие: на смену хрупким мечам пришла закаленная сталь, а потом смертоносный белый металл, имени которого она не знала.

В следующем из лежавших на ее пути селений, Эррин играла в красивом зале с шестью каминами, каждый из которых был выше нее. Она переплыла море, играла для капитана корабля. У встававших из тьмы мужчин и женщин в волосах были водоросли, а из пустых глазниц выглядывали угри. На другом континенте она играла на флейте внутри круга из огромных стоячих камней цвета древесной коры, и люди там напомнили ей рогатую женщину. Их глаза были слишком ясными, а сами они – высокими, долгорукими и длинноногими. Красивый народ, но когда из теней поднялись их мертвецы, лица этих людей сделались уродливыми, злобными и испуганными. Достав серебряные ножи, они начали убивать друг друга.

В недрах горы Эррин играла свою музыку для людей, показавшихся ей живыми камнями. Лица их были как камень, и у всех, даже у малых детей, на поясе висели кирки. Когда мертвецы закончили пляску, разразилась жестокая битва, равных которой Эррин еще не видела, и когда она наконец оставила это место, буквально вытащив себя из тоннеля, ей пришлось вымыть лицо и руки снегом, и она увидела, как белизна розовеет от чужой крови. Она начала спускаться с горы, но рухнула возле тропинки и желудок изверг все, что в нем было. Кровь, дым, крики...

– Это уже слишком! – Она привалилась к камню. От склона горы веяло холодом, но холод не мог убить ее. – Я больше не могу. Я просто не могу идти дальше.

– Можешь, и пойдешь. – Перед ней возникло пятно теплого солнечного света, и рогатая женщина уже стояла в нем – стояла слишком близко, и смотрела на нее с таким выражением, какого Эррин еще не видела на этом лице. – Наложенное на тебя проклятие требует, чтобы ты играла вечно.

– Сколько времени уже прошло? – спросила Эррин и судорожно сглотнула. Собственный дребезжащий голос испугал ее. – Ты можешь это сказать?

– Ты хочешь знать, насколько малая доля вечности уже пройдена? Думаешь, это знание поможет тебе? – Лесная нимфа слегка нахмурилась, неловко отведя руки за спину.

– Что стало с моей семьей? Со всеми, кого я оставила? Что с ними произошло?

– Эррин Меткая, все, кого ты знала, давным-давно покинули этот мир. Думаю, что в глубине сердца ты давно уже это знаешь.

Эррин поникла. Когда-то у нее было достаточно гордости, чтобы не рыдать перед рогатой женщиной, но и это время прошло. Рыдания сам нашли путь к ее горлу. Она чувствовала, что теперь на дюйм ближе к глубокой черной яме, и осознанно потянулась к ней. Каким облегчением было бы забыться в этой тьме, хотя бы на время.

– Я не должна находиться здесь, – сказала наконец Эррин. – Даже ты должна понимать это. Мое время ушло. Я больше не понимаю этот мир. Все вокруг изменилось и вышло за пределы того наказания, которого ты для меня хотела, накладывая проклятие.

Рогатая женщина отступила на шаг. Зеленая, наполненная летним светом, она казалась совершенно нереальной на фоне серо-бурых камней, выступавших из снега, покрывавшего склон горы. Она впервые была смущена.

– Я не могу освободить тебя от проклятия, Эррин, – проговорила она, и ее голос отчетливо звучал в ушах охотницы, заглушая вой ветра. – Я смертное и живое создание, как и ты связанное с этим миром. Я не могу поднять на тебя руку. И не могу избавить тебя от проклятия.

– Тогда почему же ты так часто посещаешь меня? – Почувствовав гнев, Эррин яростно вытерла слезы. Лесная нимфа еще только собиралась ответить, и Эррин продолжила: – Ты столько раз говорила, что я не понимала, что натворила, когда убила твоего брата, что я не понимала всех последствий этого действия... А теперь я скажу, что ты тоже не понимала последствий, когда накладывала проклятие. Когда ты заставила меня сделать флейту из костей

своего брата, *об этом* ты думала? – Эррин взмахнула рукой в сторону запятнанного кровью снега.

Но когда она обернулась, женщина исчезла. Там где она стояла, снег растаял, осталась лужица. Посмотрев на нее, Эррин взвалила свою поклажу на плечи. Пора было двигаться дальше.

* * *

Шли годы, и Эррин становилась безрассудной. Когда у нее находилось время поесть, она требовала хозяев подать ей чего покрепче, и пила до тех пор, пока потребность играть снова не овладевала ею. Она выкрикивала предупреждения собиравшимся послушать ее (на них никто не обращал внимания), а когда после представления начинались драки, бросалась в гущу разъяренной толпы, надеясь умереть от случайного удара. Но ничего не получалось. Клинки, топоры, стрелы, болты, а потом и пули, все облетали ее стороной, словно она была окружена каким-то коконом.

Однажды вечером, на исходе последнего из тысяч летних вечеров, она играла на своих флейтах в полнолуние, в роскошном дворцовом саду. Сад благоухал ночными цветами, Эррин со всех сторон окружала толпа, лица людей были освещены неярким светом разноцветных бумажных фонариков. Как она поняла, дворец принадлежал молодому принцу, который вместе с ближайшими родственниками сидел в золоченых креслах напротив нее.

– Играй же! – приказал молодой принц, с веселой улыбкой поворачиваясь к своему соседу. – Мне рассказывали, что твоя музыка самая замечательная на свете.

Тонкий звук флейты пронесся над садом, и трава почернела, покрываясь тенями. Смотреть на них было все равно, что заглядывать в пустоту. Одна за другой появлялись фигуры, обращавшие лица свои к звездному свету, и все они принадлежали молодым женщинам. Потом они стали танцевать, изящно взмахивая серыми руками во тьме. Эррин была растрогана их осторожными движениями, и тем как они пытались прикоснуться друг к другу. Наконец, когда толпа начала волноваться, все они единым движением обратили к молодому принцу свои незрячие очи.

Одна из тех, кто стоял впереди, заговорила:

– Все мы пришли в этот дворец, чтобы стать служанками. И все закончили свою жизнь в потайных комнатах дворца. Принц сладкоречив и много обещает, однако, аппетит у него, как у зверя.

Сад взревел. Эррин встала и убрала флейту в мешок, глядя на вооруженных стражей, хлынувших из внутренних ворот дворца. Очевидно, принц пригласил в сады простых людей, тех, кто снова и снова посылал к нему своих дочерей. Судя по тому, как быстро вспыхнул гнев, Эррин поняла, что здешние люди уже давно подозревали принца в преступлениях, но им не хватало храбрости бросить обвинения ему в лицо. Вызванные ею пляшущие призраки всего лишь подтолкнули их к этому.

Выйдя из сада и пробираясь в город по самым тихим дорожкам, она снова увидела принца – в разорванной одежде, с разбитым носом. Он был один, без своей стражи.

– Эй, певица! Проведи меня через город и незаметно выведи наружу. Я хорошо заплачу!

Она посмотрела на принца. Судя по голосу и его поведению, он явно был испуган, но смотрел на нее прямым и уверенным взглядом. С его точки зрения, она не могла его слушаться.

– Ты ценишь только свою жизнь, – сказала она. – Ты видел красоту, и каждый раз тебе нужно было ее погубить. А теперь к тебе пришла справедливость. – Возвысив голос, она обратилась к толпе, еще не покинувшей сад. – Он здесь! Он один! Скорее хватайте его!

Уходя в город по тихим аллеям, она только раз обернулась и увидела неяркий свет бумажных фонариков, а между ним рогатую женщину, стоявшую во мраке, как жуткий маяк. Та внимательно смотрела на Эррин, и на одно странное мгновение той захотелось помахать лесной нимфе рукой – поприветствовать ее. Но Эррин повернулась к ней спиной и растворилась в ночи.

* * *

Эррин шла, шла и шла, не встречая никого из людей. Просторные луга сменялись бесконечными багровыми холмами, густыми лесами, где росли грибы высотой с дерево. Она прошла их, не услышав даже отголоска человеческой речи.

Впервые за свою долгую жизнь она подумала, что сбилась с пути, однако ощущение верной тропы под ногами не покидало ее, и она все шла, глазами выискивая на горизонте струйку печного дыма или привычные очертания домов.

Наконец она пришла к месту, где землю разорвало пополам. Огромные утесы из блестящего черного камня поднимались слева и справа, под ногами хрустел плотный слой хрупких желтоватых камешков – приглядевшись, она поняла, что это кости, черепа миллионов крошечных животных. Дорога в пропасть вела ее вниз, в самое сердце мира, все глубже и глубже, пока небо над головой не стало иссиня-черным, усыпанным странными разноцветными звездами. Время, ненадежный спутник в ее скитаниях, будто сорвалось с привязи, и она не могла сказать, как долго пробыла в этой пропасти. Годы? Наверняка. Века? Весьма вероятно.

– Куда же ты посылаешь меня?

Рогатая женщина не отвечала.

Наконец Эррин оказалась в громадном тронном зале, среди заводей, наполненных темной, как вино, водой. Посреди огромного зала стояли мужчины и женщины, негромко переговаривавшиеся или игравшие на музыкальных инструментах. Эррин сразу поняла, что это не люди. Каждый был в два раза выше нее и светился собственным внутренним светом. У многих были головы животных, а из спины одного из мужчин с длинной золотой бородой росли орлиные крылья. Они смотрели на нее, и их глаза были еще более пустыми, чем глаза мертвецов.

– Итак! – прогреготал крылатый бог. – Ты прошла весь этот путь. Так будешь ты играть или нет?

Эррин помедлила. Потребность играть была сильнее чем когда-либо, однако смешно было вытаскивать из мешка свои старые костяные флейты, когда перед ней сверкали золотые арфы и флейты, сиявшие светом полуночной луны. Музыка богов искушала ее, пьянила. *Я не должна быть здесь*, подумала она.

Однако устоять она не смогла. Эррин села и начала играть. Как всегда явилась тьма, а из нее медленно-медленно начали подниматься новые фигуры.

Они внушали такой же страх, как наблюдавшие за ними боги, златокожие и темнокожие великаны. Их лица были так прекрасны, что на них трудно было смотреть. Они плясали торжественно и без радости, присущей людям. А потом начались их истории, одна за другой.

О герое, вернувшемся домой с войны, затянувшейся на целых десять лет, и узнавшего, что его жена была околдована и впустила в свою постель – и в их королевство – другого бога.

О богине, отдавшей сердце, чтобы спасти сына, а бог-колдун съел его и забрал всю ее силу.

О детях, которых одного за другим съел Всеотец, чтобы они не восстали и не победили его.

Измены, убийства, насилия – все вышло наружу, и даже богам пришлось сесть и выслушать эти признания. Эррин следила за ними поверх флейт, и замечала яростные взгляды, которые они бросали друг на друга, замечала, как медленно отливает краска от некоторых лиц.

Когда все закончилось, мужчина с орлиными крыльями посмотрел на нее сверху вниз. Перья на его крыльях постепенно чернели.

– Мы век за веком жили в мире, женщина, а ты пришла и рассорила нас вздорным писком своей нищенской дудки. Неужели ты думаешь, что уйдешь отсюда живой?

Эррин расхохоталась. Смеяться было непривычно, у смеха был вкус давно забытого плода.

– Смертный не может убить меня, – проговорила она.

– За кого ты нас принимаешь? – ответил крылатый муж.

* * *

Что ж, все произошло быстро.

Она почувствовала, что движется, а потом падает, грудь взорвалась болью. В следующее мгновение Эррин оказалась в нескольких футах от своего тела, упавшего на землю.

Крылатый бог переступил через него, втягивая вихрь рассыпающегося искрами света в свою ладонь. Но его глаза были обращены к тому, кто стоял с другой стороны мраморного бассейна и уже поднимал трезубец. Боги отбрасывали музыкальные инструменты, тянулись за мечами и топорами.

Около ее локтя послышался тихий голос:

– Ну, вот, все и закончилось.

Рядом с ней стояла зеленая женщина. Ее появление не удивило Эррин.

– Наконец-то. – Облечение было таким огромным, что она не могла даже осознать его.

Она посмотрела на небо. Плывшие в нем великие звезды, синие, зеленые, красные, гасли одна за другой. Огромный волк, больше всего, что она когда-либо видела, доедал луну.

– Что происходит?

– Настал конец всему. Пойдем? Если хочешь, я могу увести тебя далеко отсюда. – Кивнув, Эррин взяла рогатую женщину за холодную руку и попросила:

– В какое-нибудь тихое место, где нет ни музыки, ни танцев.

– Будет по-твоему, не сомневайся.

Над их головами беззвучно раскололось небо.

Йен Уильямс

Генри и Ларец из Змеиного дерева¹¹

Я сидел на окне благотворительной лавки в районе Ист-Барнет, когда на улице появился Генри Моссоп. Место на котором я находился, оказалось не особенно выгодным. Помощник продавца (безмозглый мелкий засранец) поставил меня в угол, между до слез уродливой вазой и тарелкой, запечатлевшей заключение брака между принцем Чарльзом и леди Дианой Спенсер.

Я не стал уделять Генри внимания, когда тот подошел ближе. Он не принадлежал к той породе людей, на которых приятно остановить взгляд. Он представлял собой случайную подборку конечностей, к которой сверху была присобачена голова, похожая на репу. Сальные черные волосы свисали с нее подобием плесени. Отдельные предметы его одежды вполне гармонировали друг с другом, но годились только в костер.

Однако стоил Генри внимания или нет, он обладал восприимчивой душой, и к счастью брел мимо достаточно долго для того, чтобы я смог вступить с ним в контакт. Скорее всего, его взгляд сначала зацепился за тарелку – должно быть, потому что он был романтиком, а не реалистом. Взгляд его затуманился, и он наклонился поближе к витрине так, что стекло запотело от его дыхания. Учтите, что в идеальном театре его ума все это время раздавалась «Свеча на Ветру» Элтона Джона в объемном пятиканальном звучании.

Я направился к задней стене этого театра, нашел в ней противопожарную дверь, приоткрыл ее и прошмыгнул внутрь. На все ушло секунд десять. Что сказать? О, это я умею.

Привет, Генри, – начал я. – Привет. Посмотри. Вот сюда. Налево от тарелки, пока не увидишь... нет, нет, слишком далеко. Вернись назад и посмотри чуть вправо. Еще немного. Хорошо. И... здравствуй.

Невзирая на это приветствие, весьма многословное и обстоятельное с моей точки зрения, Генри стал оглядываться по сторонам – вдруг, я обращаюсь к кому-то у него за спиной.

Нет, – сказал я. – Генри – это ты. И я говорю с тобой. Иисусе! Генри, я же назвал тебя по имени.

– Прости.

Забудем. А сейчас, знаешь ли, сосредоточься. Это важно.

– Гм... А как это ты можешь говорить? – спросил Генри.

Я говорю точно так же, как ты. Ладно, не совсем так. Хотя бы потому, что у меня нет рта. Однако я формирую в уме концепции, пользуясь словами как семантическими единицами, и последовательно соединяю их, образуя осмысленные утверждения.

– Но ты же ларец!

Вовсе нет. Это распространенная ошибка. Я похож на ларец, но на самом деле... Знаешь что, давай пока отложим разговор о болтах и гайках. Я собираюсь сделать тебе предложение.

Генри поскреб в голове восходящим к незапамятной древности комическим жестом озадаченного человека.

– Что-что?

Предложение. Сделку. Дело. Шанс, выпадающий раз в жизни. Звучит несколько по-фантастически, но предложение, тем не менее, хорошее. Впрочем, что такое «хорошо»? Концепция скользкая, однако по сравнению с большинством подобных сделок я предлагаю тебе самый счастливый билет.

Зацепившись за одно из понятных ему слов, Генри обработал его наилучшим образом:

– То есть особое предложение?

¹¹ Henry and the Snakewood Box © M. R. Carey 2020.

Да, Генри. Так. Именно так. Очень и очень особое.

– И какое же?

Желания.

– Желания?

Совершенно верно. Ты хочешь денег? Секс? Бесплатную подписку на фильмы и сериалы «Нетфликс»? Больше секса? Сверхвозможности и сверхспособности? Секс с извращениями? Могу предоставить все, от чего тебя накрывает потоком эндорфинов. В до икоты смешном изобилии.

Генри задумался. Кстати об этом самом «задумался». Тут он явно не был претендентом на чемпионский титул.

– Ты кто, фея? – спросил он.

Вот, блин! – подумал я. – Сразу в яблочко. Однако мне приходится подчиняться строгим правилам и условиям. Мне не позволено лгать. Нет, Генри. Не совсем фея. Нечто в этом роде, но... ладно, совсем не фея. Наоборот. Нечто другое. Совсем другое. Как день и ночь.

Генри бросил на меня подозрительный взгляд, который явно означал, что говорящая шкатулка со своими странными предложениями и сомнительной репутацией его не проведет.

– И кто же ты тогда? – спросил он.

И поскольку он спросил, мне пришлось ответить.

Я – демон.

Для некоторых людей такое признание становится поворотной точкой. Генри мог взять ноги в руки и пуститься наутек, и мне пришлось бы отпустить его. В таких вопросах принуждение недопустимо. Тем более если ты заточен в ларце из змеинового дерева¹², на крышке которого с предельной бездарностью изображена курица с цыплятами. Я не могу принять участие в быстрой погоне. Не на этой плоскости бытия. Вот если бы наша встреча состоялась на полях Тартара, все было бы иначе. И встреча наша оказалась бы чрезвычайно короткой.

Но Генри не побежал. Только кивнул. И отсутствующее выражение на его лице не изменилось.

Информированное согласие играет в таких вопросах важную роль, так что я сделал новый заход. Демон, пояснил я. Ну, знаешь. Дьявол. Бес. Адское отродье. Все такое.

– О'кей. Но ты предлагаешь исполнение желаний, как какая-нибудь фея.

Предлагаю. И даже лучше, чем фея. В наш обычный пакет услуг входит неограниченное количество желаний. Обыкновенный потолок в три желания отменен для клиентов премиум-класса – таких, как ты. Ты можешь даже пожелать большее число желаний, хотя с точки зрения базовой бесконечности ты получишь все необходимое. Мы также отменили все временные ограничения на желания, требующие изменений временной линии. Можешь порезвиться с причинно-следственной связью.

Генри захлопал в ладоши. На его невинном лице проступили признаки восторга.

– Фея в ларце! – провозгласил он. – Как здорово! Как здорово!

Демон в ларце. Тогда скрепим нашу сделку, Генри. Войди в лавку и купи меня. За меня требуют четыре фунта девяносто девять пенсов, однако ты сможешь сразу же возместить этот расход, потребовав у меня деньги обратно. Я не хочу, чтобы твой карман опустел. Действуй.

Слово «карман» – доброе и старомодное существительное, означающее реальный физический объект – произвело, наконец эффект. И Генри принялся шарить по карманам в поисках купюр и монет, и достал в итоге целую кучу того и другого.

¹² Реально существующее растение. Ботаническое название: *Piratinera guianensis*. Свое название – снейквуд – это дерево получило из-за темных мелких пятен неправильной формы, напоминающих пятна на шкуре леопарда или на коже змеи с пестрой окраской.

– Этого хватит? – спросил он.

Да, Генри. Здесь тридцать пять фунтов с кое-какой мелочью. Так что отдай этой симпатичной леди синенькую бумажку, которая сверху, и она вернет тебе пенни. И меня. Но... постой, Генри, пока ты не совершил эту покупку...

Он уже собирался войти в магазин. Он остановился.

– Ну, что?

Я демон, но не демон Максвелла. Чувствуешь разницу?

Он покачал головой.

– Угу.

Ну, тогда порядок, к этой теме мы вернемся позже. Делай, что должен, парень. Заключай сделку.

И он ее заключил. Я был горд этим коротышкой. Он все провернул без сучка и задоринки, и даже получил пластиковый пакет, чтобы отнести меня домой. Технически этот пакет должен был обойтись ему еще в пять пенни, однако стоявшая за прилавком женщина не нашла никаких причин, чтобы настаивать на этом. Она пожалела Генри, в котором увидела безобидную личность, плывущую по течению. К подобной оценке, в общем и целом, склонился и я, однако я намеревался присосаться к Генри как паразит, чтобы использовать в своих неназываемых целях, а ее чувства имели легкий материнский оттенок. Полагаю, мир стал бы скучным, если бы мы все были одинаковыми.

Как только мы оказались у Генри дома, я предложил ему провести, так сказать, тест-драйв. *Пожелай что-нибудь небольшое*, – сказал я. – *Убедись, что сделка работает.* «Окей» сказал Генри, крепко зажмурился и пожелал золотую рыбку. И спустя наносекунду она уже была перед нами, задыхаясь и надрывая свое крохотное сердечко, изо всех сил налегая на плавники. Генри не пожелал ей аквариум или воду, однако я добавил их по собственной инициативе – как и слой песка и гальки на дно, голубую полосу светодиода для колорита, и фильтрационный насос в форме испанского галеона. Я мог бы оставить рыбку задыхаться и помирать на линолеуме – буквалистский бюрократический гамбит, так мы называем между собой подобную ситуацию, однако оставим подобный подход неудачникам. Я о том, что это всего лишь комичный фасад, подобие дешевого фарса, однако уменьшает число возвратов. Мне было нужно, чтобы Генри доверился мне, или хотя бы почувствовал доверие к процессу. Почувствовал желание рвануть за золотом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.